

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Перо бумажной птицы

Елена Ивановна Михалкова
Перо бумажной птицы
Серия «Новый настоящий
детектив Елены Михалковой»
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 39

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68534084
Перо бумажной птицы: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-146816-3

Аннотация

Пропала девушка. Ее любящая семья нанимает частных детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина.

Для профессионалов это несложная задача.

Но выстрел наемного убийцы разбивает вдребезги то, что казалось простым и очевидным. Сыщики понимают, что стали пешками в чужой игре. Увидят ли они сквозь морок лицо настоящего преступника?

Куда приведут их поиски?

Читайте в новом романе Елены Михалковой «Перо бумажной птицы»!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	58
Глава 3	90
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Елена Михалкова

Перо бумажной птицы

© Михалкова Е., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Июль 2018 года

Их было трое. Мать, отец и юноша лет шестнадцати: молчаливый, худощавый, с коротко стриженной головой и тонкими синеватыми губами. Он сидел на краю стула и упорно смотрел под ноги, изредка вскидывая глаза на частных сыщиков. В кулаке у него был зажат желтый резиновый мячик.

– Она пропала вчера. – Отец говорил, тяжело роняя слова. – Вышла из дома днем, без двадцати час, и не вернулась. Телефон не отвечает.

Сергей Бабкин рассматривал потенциального клиента. На вид около сорока с небольшим. Коренастый, сутулый. Каштановые волосы с проседью, тяжелый квадратный подбородок; широкие скулы, но впалые щеки. Мешковатая рубаха в клетку, засалившаяся на локтях и воротнике. В молодости наверняка считался красавцем.

Его жена отказалась сесть. Она стояла за сыном, положив руки ему на плечи, и, не отрываясь, смотрела на Илюшина.

Егор, Вера и Максим Белоусовы. Четвертый член семьи – Дарья Белоусова. На столе лежала фотография: голубоглазая девушка, глядящая на фотографа исподлобья. Вздернутый нос, короткие светло-русые волосы, угрюмый взгляд.

– Даша терпеть не может фотографироваться, – сказал Егор.

Макар Илюшин еще раз взглянул на снимок.

– Ваша дочь раньше уходила из дома?

– Никогда! – одновременно сказали отец и мать.

Переглянулись – Илюшин увидел, что в молчаливом обмене взглядами решается, кто будет рассказывать главное, – и женщина подалась к нему.

– У Даши депрессия, – сказала она. – Еле-еле окончила школу, в институт не поступила. Почти год она провела на диване, но четыре месяца назад наметился сдвиг в лучшую сторону...

– Три месяца, – поправил юноша. Это были первые слова, которые услышали от него частные детективы. Говорил он неожиданно низко, и если бы Бабкин с Илюшиным не видели его своими глазами, они решили бы, что это голос взрослого мужчины.

– Да, наверное, три, – согласилась мать. – Даша решила, что в ближайший год надо поработать, а затем снова поступать. Она устроилась на курсы кейтеринга, хотела попробовать себя официанткой на выезде. Это хорошо оплачивается.

– И танцами увлеклась, – сказал отец.

– Да, стрип-дэнс. Вы не подумайте, это прилично! – Женщина нервно поправила очки в толстой оправе. Сама она была рыхлая, с короткими темными волосами и густой лошадиной челкой, удивительно не шедшей к ее лицу, – пухлому, с бугристыми щеками, словно набитыми изнутри ватными шариками. – Это просто для пластики, для развития фигу-

ры...

«Девочка научилась танцевать, решила подзаработать в ночном клубе и что-то пошло не так», – подумал Сергей.

– Вы подали заявление? – спросил он.

– Еще вчера! Но никаких результатов, даже не могут отследить ее по телефону! Она ведь ехала как раз на свои курсы... И не доехала. Мы объясняли в полиции, что нужно срочно искать, она у нас совсем домашняя девочка, что-то случилось, – поймите, я мать, я это чувствую...

Она приложила ладонь к груди. Отец сидел, словно окаменев.

– Вы ищете пропавших людей, нам так сказали, – проговорил он наконец. – Найдите ее нам, пожалуйста... Вот вы подозреваете, что она сама от нас сбежала... Нет-нет, я вижу, что подозреваете!

– Не стала бы Дашка, – возразил юноша. Он судорожно сминал мяч в больших и мощных, точно кротовьи лапы, ладонях.

Илюшин внимательно наблюдал за ним.

– Даже если стала! – с силой сказал отец. – Нам бы только убедиться, что она живая. Что с ней все в порядке. Дома лекарства остались, антидепрессанты... Как она без них? Сорвется же! Мы не потащим ее силком домой, пусть живет где хочет.

– Вы проверили, что она взяла с собой из дома? – спросил Сергей.

– Только то, что обычно брала на занятия. Телефон, мелочь всякую: зеркальце, помаду, расческу... Ни записки от нее не было, ни звонков. Просто исчезла.

– Вы разговаривали с ее подругами?

В ответе Сергей не сомневался: перепуганные родители первым делом обзвонили бы Дашиных знакомых.

Но отец с матерью переглянулись.

– Тут, видите ли, какое дело... – начал отец. – У Даши нет подруг. Она и в школе не дружила с одноклассниками, и потом ни с кем не общалась. Парня тоже нет. Никого, кроме нас.

«Одинокая замкнутая девушка выходит из квартиры и исчезает», – Бабкин мысленно снизил вероятность сценария с ночным клубом до десяти процентов.

Правда, оставался шанс, что родители плохо осведомлены о жизни своей дочери. Тихая неразговорчивая мышка могла обернуться звездой порнофильмов с собственной квартирой и счетом в банке, – он знал о таких случаях. Или девушка в депрессии покончила с собой, не справившись с болезнью.

Что ж, дело за Илюшиным. В их тандеме Макар решал, работать ли с клиентом.

Однако напарник колебался. Сергей удивился про себя: что не так? Дело как раз по их специализации. Других расследований сейчас нет. С момента исчезновения прошло меньше суток. Семья живет в спальном районе в десяти минутах ходьбы от метро: это значит, вокруг достаточно камер,

с которых можно собрать информацию.

Может, Илюшин подозревает в ее исчезновении близких? Такое происходит чаще, чем принято считать. Убийцы своих родных принимают участие в поисках пропавших и горюют так, что в неискренности их не заподозрит даже самый проницательный человек, – потому что горе это непритворное.

Илюшин начал задавать необязательные вопросы. В какой школе училась, есть ли у родителей контакты одноклассников, общается ли Даша с соседями... Все это не требовалось узнавать именно сейчас. Первые сутки после исчезновения человека – самые важные. Нужно действовать, и быстро.

– ...нет, никаких ссор, – тем временем говорила мать. – Все шло как обычно. Я испекла утром оладьи, она вышла на кухню около одиннадцати, позавтракала, ушла к себе. Мы немного поболтали, пока она ела. О чем? О ерунде какой-то. Погода, сосед затеял ремонт... Примерно в полдень Даша начала собираться. Я слышала, как она напевает перед зеркалом, пока расчесывается. Собрала рюкзачок, небольшой такой, голубой, поменяла шнурки у кроссовок... Эти, сказала, постоянно развязываются. Больше, кажется, ничего не было. Крикнула, что убегает, закройте сами дверь, – и все. Она должна была вернуться самое позднее к четырем. В половине пятого я начала ей звонить, потом Егор пришел с работы. Мы постоянно слышали: «Абонент временно недоступен». Обратились в полицию. Ночью не спали, надеялись, что она появится... Обзвонили морги, больницы. Искали, куда еще

можно обратиться, и нашли вас.

– Значит, никаких конфликтов, – повторил Илюшин.

– Дашка мирная. С ней особо не поссоришься, – пробасил сын.

– Лекарства, которые она принимает, на месте?

Мать кивнула:

– Ничего не пропало.

Бабкин понимал, чем вызван интерес Макара. Даша могла накопить таблетки из предыдущих запасов, если не глотала их, а прятала. Однако для суицида слишком спокойное поведение.

«Или крайне ненаблюдательные родители».

По статистике девушки такого возраста, вздумав отравиться или перерезать вены, делают это дома. Зачем уходить, если можно просто закрыть дверь в свою комнату?

Макар Илюшин взглянул на троих клиентов, ожидавших его ответа.

– Хорошо, – решил он наконец. – Нам потребуется паспорт Даши. У нее есть особые приметы? Шрамы, татуировки?

Как выяснилось, Дарья Белоусова взяла документы с собой. Мать сказала, что Даша всегда носила паспорт в сумке – боялась, что остановит полиция. Вероятность, что голубоглазую блондинку задержат для выяснения личности, Бабкин оценивал как крайне невысокую, однако это был дополнительный штрих к характеру девушки.

Итак, она не общалась ни с кем, кроме своей семьи.

Всего три месяца как начала выходить из дома.

Записалась на курсы официанток и в студию стрип-пластики недалеко от дома. Бабкин предположил, что девушка нашла новых подруг в студии, но родители сказали, что они выдали дочери деньги на индивидуальные занятия. «Мы так обрадовались, что она хоть к чему-то проявила интерес!»

Илюшин хотел связаться с Дашиным психиатром, но оказалось, что тот переехал и все контакты его утеряны. Последние назначения были сделаны полгода назад, лекарства покупались по старым рецептам.

Девушка исчезла в районе сквера возле метро. Камеры показали, что она немного отклонилась от своего обычного маршрута и в десять минут второго зашла в сквер со стороны жилого массива. Этим путем можно было выйти к станции, но Даша там не появилась.

Джинсы, белая футболка, красная куртка и красные же кроссовки. Приметный образ. Сергей отсмотрел записи с четверти второго до полуночи, но не нашел ни девушки, ни куртки. Обыск мусорных баков тоже ничего не дал.

Будь это лесопарк, Бабкин поставил бы на то, что тело лежит где-то в кустах и наткнуться на него суждено несчастному владельцу любознательного пса. Но сквер был небольшим. С утра до вечера там гуляли родители с детьми. Тоненькой, но не пресекающейся струйкой тек поток пассажи-

ров метро, живущих неподалеку. Если бы кто-то напал на девушку, уже нашлись бы свидетели.

«Затащили в машину?»

Бабкин позвонил знакомому оперативнику и убедился, что в полиции лежит заявление об исчезновении Дарьи Белоусовой. Он не сумел выяснить, предпринимались ли по нему какие-то следственные действия, и заручился обещанием своего знакомого известить его, если тот что-то разузнает.

– Местонахождение телефона девушки будет известно часов через пять, – сказал он Макару. – Поехали, посмотрим ее вещи.

Белоусовы жили в обшарпанном девятиэтажном доме. Из мусоропровода на лестничной клетке торчала смятая коробка из-под пиццы. Под ней ходила кошка с тощей воробьиной шейкой и принюхивалась.

– Есть какие-то сведения? – спросил Егор.

Жена стояла за ним, комкая носовой платок.

Макар покачал головой:

– Простите, мы только начали.

– У Даши отдельная комната, – заторопилась Вера. – Посмотрите, пожалуйста... – Она распахнула дверь. – Обои Даша сама выбирала, а за шторами мы вместе ездили... Ей здесь очень нравится, она целыми днями может сидеть, не выходя на улицу.

Сыщики протиснулись внутрь. Женщина осталась в коридоре, тихонько всхлипывая.

С комнатой что-то было не так. Илюшин обошел ее, приглядываясь и пытаясь понять, что его насторожило.

Окно с грязно-розовыми шторами. На компьютерном столе искусственная орхидея с пыльными лепестками. Полка уставлена мягкими игрушками. Узкая кровать под полосатым покрывалом. Напротив кровати – кресло с изодранными в клочья подлокотниками. Над ним репродукция картины с изображением готического замка.

– А где кошка? – спросил Макар.

– Что, простите?

– Кошка. – Он указал на торчащие нитки.

– А-а-а! – Отец девушки неловко улыбнулся. – Это просто память. Кошка давно умерла.

– Она старенькая была, – прибавил сын, отиравшийся за его спиной.

«А кресло с тех пор не поменяли», – отметил Илюшин.

– Как ее звали?

Бабкин всей спиной выразил недоумение, но не обернулся: выдвигал один за другим ящики письменного стола, рассматривая содержимое.

– Машка, – после паузы удивленно сказал отец.

Илюшин перевел взгляд на плакат на стене. Четверо смазливых азиатских парней с гитарами, один похож на девочку.

– Что это за группа?

– Даша называла ее, но я не запомнил, – признался Егор. – У них все названия похожи на лягушачье кваканье.

– Егор, можно тебя на минуту? – позвала из коридора мать девушки.

– Извините...

– Ничего-ничего. – Илюшину проще было работать, когда в дверях не маячили родственники пропавшей.

Младший брат девушки тоже незаметно исчез. Сыщики остались в комнате одни.

Макар прикрыл дверь и обернулся к напарнику:

– Что у нас тут?

– Компьютера нет, – сказал Бабкин. – Девчонке восемнадцать. Где ноут? Где планшет?

– Или унесла с собой, или выходила в сеть с телефона.

– Надо у родителей уточнять. Если унесла, это побег.

– Как вариант, прибрал к рукам младший брат. Родители за много лет не заменили разодранное кресло – вряд ли у них есть лишние деньги.

Бабкин махнул рукой:

– Не заменили, потому что привыкли, глаз замылился.

Или девчонка не разрешила.

– Ладно. Что еще?

– Ничего похожего на дневник. Два десятка тетрадей, все чистые. Ручки, карандаши. Ни записной книжки, ни блокнотов.

– Все контакты могут храниться в телефоне. Блокнот ей

ни к чему.

– Из одежды – две пары джинсов, три свитера, четыре футболки. В ящиках нет ни наушников, ни телефонных зарядок.

Сергей оглядел дюжину мягких игрушек, отчего-то выглядевших в этой пустой пыльной комнате жутковато. Грязно-белые зайцы. Медведи со слабоумными улыбками. Два почти одинаковых единорога. Ядовито-розовое существо с неопознаваемой видовой принадлежностью.

– Здесь как будто двенадцатилетняя школьница живет, а не взрослая девица, – заметил Сергей.

– У девушки депрессия. Ни с кем не дружит, никуда не поступила, из комнаты не выходит. Может, подсознательно пыталась вернуться в собственное детство?

– Предлагаешь искать ее в железной ракете на детской площадке?

Илюшин сочувственно похлопал его по спине:

– Ракет на детских площадках не ставят уже лет двадцать.

Он перебрал игрушки, тщательно ощупывая их. Выдвинул ящики из-под кровати: в них выглаженными стопками лежало постельное белье. Судя по сдвинутым пододеяльникам, до него здесь кто-то рылся.

– Похоже, родители провели небольшой обыск.

– Я бы тоже провел, если бы у меня исчезла восемнадцатилетняя дочь, – отозвался Сергей. – Даже до ее исчезновения проводил бы. Превентивно. Каждый месяц.

На единственной книжной полке стояли «Пятьдесят оттенков серого», «Мастер и Маргарита» и серия женских романов в истрепанных мягких обложках. Они пролистали книги, затем Бабкин простучал шкафы, кровать и подоконник, ища тайник. Его не оставляло чувство, будто обитательница комнаты что-то хорошо спрятала.

– Поговорю с родителями насчет девайсов.

Бабкин вышел, а Макар сел на кровать и огляделся.

Игрушечные единороги не вязались у него с идолами кей-попа, а розовые шторы – с картиной на стене. Обстановка была какой-то выхолощенной, словно номер в гостинице, которому наспех, неумело пытались добавить уюта.

Вернулся Сергей. Ни планшета, ни компьютера у Даши не было – только телефон, который она взяла с собой.

Макар покивал и вышел на кухню. Родители и младший брат девушки стояли очень близко друг к другу, будто о чем-то совещались. Сын обнимал мать за плечи.

– Можно посмотреть детские фотографии Даши? – спросил Макар.

Все трое переглянулись.

– Зачем? – Егор недоуменно пожал плечами. – Мы дали вам нынешние фото. Даша очень сильно изменилась...

– И все-таки. Прошу вас. – Илюшин улыбнулся, ничего больше не говоря. Он, собственно, и сам не смог бы объяснить своего интереса к детским снимкам.

Вера посмотрела на растерянного мужа и решилась:

– Даша – приемный ребенок. Мы удочерили ее, когда ей был год с небольшим. Жили в частном доме, а потом пришлось переехать... Случился пожар. Все сгорело, альбомы тоже. Извините, это больная для нас тема... До сих пор не можем оправиться, хотя прошло уже больше двух лет.

– Причина пожара? – быстро спросил Макар.

Женщина замялась.

– Что-то с проводкой, – буркнул ее сын.

– Да, именно так, – подтвердил отец. – Правда, я проводкой сам занимался, но пожарные сослались на это... – Он развел руками. – В общем, моя вина.

– Переехать пришлось бы в любом случае, потому что соседка разболтала Даше, что она нам не родная. Мы-то скрывали... Дашу это потрясло. Собственно, тогда и началась ее депрессия. Она закатывала скандалы, твердила, что мы испортили ей жизнь. Даже из телефона вычеркнула нас как маму и папу и записала только имена, как будто мы ей, знаете, соседи или просто знакомые... – Вера вытерла слезы.

Она махнула рукой.

– Пожар случился до или после того, как Даша узнала, что она приемная? – спросил Макар.

– После!

Илюшин внимательно посмотрел на родителей. Допускали ли Белоусовы, что пожар был делом рук старшей дочери? Ему показалось, что младший брат о чем-то умалчивает. «Надо побеседовать с парнишкой наедине... Он все время

как привязанный рядом с матерью».

– Скажите, чем увлекается Даша? – спросил Макар.

– Мы же вам рассказали! – В голосе отца слышалось явное раздражение. – Танцами!

– Я понимаю. Но что ей нравится в повседневной жизни? Сериалы? Вышивка? Рисование? Эксперименты на кухне? У нее ведь много свободного времени, пока она не учится и не работает, правда?

Все трое глубоко задумались. Илюшин усмехнулся про себя: четыре человека живут бок о бок и ничего не могут рассказать друг о друге.

– В игры на телефоне играет, – сказал наконец отец. – Как ни зайду, там что-то лопается и взрывается.

Мать подхватила:

– Любит ходить по сетевым магазинам! Ничего не покупает, просто смотрит, платья складывает в корзину, потом обнуляет заказ. Что еще... Ну, просто лежит, листает женские романы.

«Потрясающий портрет», – сказал про себя Макар.

Однако этот образ расходился у него с фотографией. Он вспомнил умное сосредоточенное лицо. Даша Белоусова не выглядела человеком, который часами забивает и опустошает виртуальную корзину.

Впрочем, депрессия... На болезнь можно многое списать.

– Она любит собак, – неожиданно пробасил юноша.

Мать с отцом удивленно уставились на него, словно забы-

ли, что их сын умеет разговаривать.

– Каких собак?

– Да любых. Как ни выйдешь с Дашкой на улицу, постоянно к ней всякие шавки сбегаются, она их подкармливает... И деньги на волонтерский приют перечисляла. Из своих карманных.

– А куда вы с ней выходили, например? – дружелюбно спросил Илюшин.

Парень очень закрыт, надо расположить его к себе. Что-то, а это Макар умел профессионально.

– Ну-у, там, знаете...

Илюшин терпеливо ждал.

– Просто прогуляться, – выдавил наконец Максим. – Пройтись до парка. А! Или в магазин – сумки донести.

«Брат с сестрой вместе гуляют, он помогает ей с тяжелыми покупками, но не выглядит испуганным ее исчезновением. Родители в панике, а он смущен, но относительно спокоен или очень тщательно скрывает тревогу. Здесь что-то не так».

Макар собирался попросить Максима поговорить с ним наедине, но в кухню заглянул Сергей и сделал знак: есть новости.

– Звонил мой приятель из компании сотовой связи. Дал местонахождение телефона, – шепнул он, когда Илюшин вышел к нему. – Поехали разбираться.

Когда открылись двери лифта, Бабкин сказал: «Погодь, я ща», подошел к мусоропроводу, выдернул коробку из-под

пиццы и раскрыл перед отчаявшейся кошкой. Воробьиная Шейка кинулась подьедать потеки подтаявшего сыра и ку-сочки ветчины, урча на весь этаж.

Ни полиция, ни волонтеры не могут быстро получить информацию о том, где находится сотовый телефон пропавшего человека. Сергей по опыту знал, что, когда дело касается «обычных», повседневных исчезновений, на это могут тратиться недели там, где важен каждый час... Борьба за точность данных геолокации мобильных устройств ведется давно, но в малонаселенных местах ничего не меняется: погрешность с определением точки нахождения устройства может составлять несколько километров.

По счастью, они работали в Москве. И Сергей не был связан никакими ограничениями. Во всех крупных компаниях сотовой связи у них с Илюшиным имелись прикормленные сотрудники, по большей части его бывшие коллеги, которые за мзду выдавали постороннему, в общем-то, человеку все данные о перемещении сотового телефона.

Бабкину это не нравилось, но изменить он ничего не мог. Глупо ставить свою принципиальность против человеческой жизни.

Тонкий серебристый смартфон нашелся в глубокой развилке старого клена, росшего в двух шагах от проезжей части. Это была самая неприятная часть сквера – с зарослями

пыльных кустов, мусором и крапивой в человеческий рост. Совсем небольшой пяточок, – но человек, заманивший сюда девушку, мог бы дотащить ее до своей машины.

– Допустим, она сама положила тут сотовый, – вслух сказал Бабкин. – Хотя это чрезмерная предусмотрительность для восемнадцатилетней девицы, тебе не кажется?

– Мы ничего о ней не знаем. – Макар огляделся и пошел кругами, глядя под ноги и постепенно увеличивая радиус поиска. – Она могла смотреть фильмы, в которых говорилось, что мобильник нужно выбросить. Или кто-то из друзей подсказал...

– У нее нет друзей.

– Это ее родители так считают.

Он искал смятые кусты, обломанные ветки, обрывки материи – любые свидетельства борьбы. Через крапиву вели, скрещиваясь, две полузаросшие тропинки. Ему не удалось найти ни одного подтверждения, что здесь боролись люди.

– Собаку бы поисковую, – пробормотал Илюшин.

– Слишком много времени прошло. И потом, выведет нас собака к дороге – и что? Она тебе не расскажет, сама Белосова поймала попутку или ее запихнули в салон.

Однако находка настроила Сергея оптимистично. Он спрятал телефон в пакет, сказав, что отвезет своему бывшему коллеге, чтобы тот вытащил содержимое, и оставил Макара в сквере искать улики.

Час спустя Макар, не добившийся успеха ни с уликами, ни со свидетелями, приехал в школу кейтеринга, где Белоусову и еще полсотни юношей и девушек обучали работе официантов на выезде.

Владелец школы по телефону представился Олегом. При встрече оказалось, что на вид ему около двадцати пяти. Круглолицый, подвижный, с веселым блеском в маленьких глазках, он с первого взгляда понравился Макару.

– Игорьь, подмени меня, я побеседую с человеком, – попросил Олег, поймав на бегу за рукав пожилого мужчину. И, обернувшись к частному детективу, добавил: – Я, правда, не знаю, какая от меня может быть польза... Но постараюсь. Даша – хорошая девушка, будет жаль, если с ней действительно что-то случилось.

Они отошли в сторону.

– Дашу я помню, она отлично справлялась, – сказал Олег. – Да, вчера пропустила занятие. Кого-то другого я бы выставил, ее оставлю. Если, конечно, она найдется.

– Расскажите, какое у вас сложилось о ней впечатление? – попросил Макар.

Тот расплылся в широкой улыбке:

– Милашка! Но все строго по делу! Никакого кокетства, глазками не стреляет, ведет себя сдержанно. И схватывает на лету.

Илюшин огляделся. Над их головами плескался и хлопал на ветру голубой навес. Невдалеке были приготовлены длин-

ные столы, которые, как он догадался, ученикам предстояло сервировать. Официанты, толпившиеся поблизости, сосредоточенно слушали инструктаж пожилого мужчины. Горы пластиковых тарелок и стаканов высились на подносах, похожие на башенки из белого песка.

– В процессе неизбежно что-то побьют, – сказал Олег, заметив, куда смотрит Илюшин. – Пускай тренируются на кошках.

– Мне доводилось работать официантом, – сказал Макар. – Вы меня извините, Олег, я не могу понять, чему вы так долго их обучаете.

Парень только улыбнулся в ответ.

– У меня лучшая кейтеринговая фирма в Москве. Обслуживаем все – от похорон до свадеб. Держать штат собственных официантов невозможно, поэтому нужны просто хорошо обученные люди. Вы понимаете, что значит в наших условиях «просто хорошо обученные»? Это синоним слова «идеальные». Мы брали обычных официантов – и знаете, что выяснялось? Они не справлялись. Не были готовы к элементарным препятствиям!

– Например? – заинтересовался Макар.

– Ну, смотрите: на выездах предстоит носить больше, чем в любом зале. Нужна выносливость. Нужно приготовиться к физическим нагрузкам. И бегать с тарелками придется не по гладкому полу, а по песку, траве или даже камням! Первое, с чего мы начинаем, – с объяснения, почему

нужна качественная обувь с амортизирующей подошвой, и отчего экономить на этом нельзя.

Илюшин вспомнил красные кроссовки.

– Надо, чтобы человек умел распределять потоки движения персонала во время работы. Это, конечно, больше относится к старшим по смене. Но и нюансов для официантов хватает. Мы обучаем регламенту мероприятий, рассказываем, какие блюда в какой очередности выносятся на стол. Психологическая подготовка тоже важна: на похоронах, как и на свадьбах, бывает всякое! А гости пьяные? А воровство алкоголя? Вы понимаете, что нам на первых уроках приходилось объяснять всем официантам поголовно, что им *нельзя курить!* – В голосе его звучало искреннее страдание. – А они не понимают почему: ведь мероприятие-то на свежем воздухе! Мы рассказываем, что нельзя класть возле детей горячее и острое. Обучаем всему, от закручивания салфеток до правил мытья посуды.

– Официанты моют посуду?

– Если выезд на корабле, думаете, там наймут для этого дополнительных людей? Ничего подобного. Приходится справляться самим.

– Даша всему этому научилась?

– Да. У нее оставалось одно занятие, и затем она попала бы в список тех, кого мы вызываем обслуживать мероприятия. Я ею очень доволен. Смышленная, быстрая, молчаливая, улыбчивая. Как раз то, что нужно для этой работы. Девушки

ведь еще не должны быть... – Олег описал в воздухе сложную фигуру. – Поймите: гости выпивают. Они могут начать приставать. Нужно уметь и нравиться, потому что основной заработок официантов – это чаевые, и в то же время не слишком привлекать внимание... Излишняя чувственность вредна. Мы стараемся не брать слишком красивых женщин, а особенно таких, которые непроизвольно флиртуют со всеми, – иначе неизбежны конфликты. Даша произвела на меня впечатление девушки собранной, целеустремленной. Она точно знала, что хочет получить эту работу, и делала все, что мы требовали. Всегда на шаг впереди. Нечасто встречаешь такой энтузиазм! Да, и некурящая. Это тоже важно. Клиенты не любят курящих официантов, от них всегда пахнет, сколько бы упаковок жвачки они ни слопали. Некурящей официантке не требуется «улучить минутку», чтобы выскочить и затануться.

– Я слышал, курильщики легче справляются со стрессом, – с усмешкой сказал Макар.

– Есть такое, – улыбнулся в ответ Олег, поняв, что сыщик заметил пачку сигарет у него в кармане. – Зато некурящие лучше справляются с повседневной рутинной. А наша работа – это в основном рутина и есть.

– Даша обсуждала с вами что-нибудь, что не касалось ее работы? – спросил Илюшин. – Может быть, семью?

Олег ответил, не задумываясь:

– Нет, ничего подобного не было. Я же говорю, она скорее

из молчунов.

– С кем-то у нее завелись приятельские отношения? Люди, с которыми она общалась больше, чем с другими?

– Да не поймешь... Вообще-то она держалась особняком. Вроде возраст юный, а вела себя как-то более зрело, что ли, взрослее, чем многие из ее будущих коллег. Уважаю серьезное отношение к делу. Мне это, конечно, в ней очень нравилось... – Олег оборвал себя на полуслове и расстроено заметил: – Ну, блеск! Вот уже и начал говорить о Даше в прошедшем времени. Вы меня известите, если найдете ее, ладно? Все-таки я надеюсь, что с ней ничего плохого не случилось.

Встреча с преподавательницей танцев мало что добавила к тому портрету, который нарисовал владелец школы кейтеринга.

– Даша сказала, что хочет научиться красиво двигаться для себя. – Девушка наклонилась и стянула шерстяные гетры, оставшись в лосинах и спортивном топе. – Приходила раз в неделю. Вообще-то этого мало, но я видела, что она постоянно тренируется дома. У нее улучшалась растяжка, она отработывала движения, которые мы с ней учили в студии.

– Она кому-то звонила при вас? – спросил Макар.

– М-м-м... Кажется, нет. Только списывалась с братом. Он постоянно встречал ее после занятий. Мне даже показалось...

Девушка осеклась.

– Что именно? – спросил Илюшин. – Это может оказаться очень важным.

– Что брат ее контролирует, – призналась она. – Он каждый раз так подозрительно разглядывал тех, кто ждал в коридоре, словно чего-то опасался. Однажды с Дашей кто-то заговорил, и он буквально за руку вытащил ее наружу, как будто они страшно торопились. Но я потом вышла за ними следом и увидела, что они спокойно идут как ни в чем не бывало. Не знаю... Странный он какой-то!

– А Даша – не странная?

Девушка задумалась.

– Сначала, на первых занятиях, мне показалось, что она не знает, чего хочет. Новые ученицы обычно приходят со словами, что мечтают стать гибче, или поразить своего парня, или классно двигаться на танцполе... А Даша – она просто занималась. Молча, как будто выполняла работу.

– Вы не задавали ей вопросов?

– Конечно, я ее спрашивала! Ведь от цели занятий зависит их интенсивность, содержание. Она ответила: «Мне просто хочется научиться, вот и все». После этого я от нее отстала. Знаете, мне платят не за то, чтобы я лезла в душу. Так можно и клиента потерять.

Она распустила волосы и облегченно встряхнула головой.

– Оказалось, Даша упорная. Занималась усерднее многих. За два месяца у нее приличный прогресс! Мне кажется, какая-то цель все-таки у нее была, просто она не хотела делить-

ся. Девушка не из болтливых. Надеюсь, она просто сбежала от своего придурка-братца.

«Просто сбежала от своего придурка-братца», – повторил Илюшин, выйдя из студии.

Преподавательнице танцев не понравился Максим Белоусов.

По словам матери, в день исчезновения Даши он был дома. Мать может искренне заблуждаться, а может покрывать сына. В любом случае нужно проверить его телефон.

Люди пропадают постоянно. Только по официальным данным в стране ежегодно исчезает около ста тысяч человек. Макар подозревал, что это число занижено вдвое.

Есть те, кто убегает от своей семьи или долгов.

Есть те, кого убивают.

Те, кто гибнет – под машиной, от удара током, утонув в луже или просто упав от сердечного приступа на безлюдной улице.

Те, кого приводит к исчезновению глупое стечение обстоятельств, и жертва оказывается в больнице с проломленной головой, потеряв память.

Но всегда есть необъяснимые случаи. Илюшину было знакомо это чувство: ты смотришь на портрет человека, читаешь его биографию и понимаешь, что он не мог исчезнуть.

И все-таки пропал.

Ему запомнилось одно дело. Женщина тридцати пяти лет:

счастливый брак, двое детей-дошкольников. Каждое утро она отводила их в детский сад, садилась на маршрутку и доезжала до работы. Вечером детей забирали ее муж или свекровь.

В один октябрьский день она попрощалась с детьми в садике, дождалась маршрутного такси и вышла на своей обычной остановке в половине девятого утра. Ее видели соседи. Она разговаривала с воспитательницами, была весела и жизнерадостна. Ее опознал по фотографии водитель маршрутки.

До офиса, от которого ее отделяло триста метров, она не дошла. Исчезла.

Илюшин в то время работал один, без напарника. Он изучил каждый метр из этих трехсот. Опросил всех свидетелей. Просмотрел все сохранившиеся записи с камер.

И ничего не нашел. Женщина пропала навсегда. Объяснение ее исчезновению так и не было найдено, и напрасно Илюшин в течение года выезжал на все неопознанные женские трупы и читал все сводки, – она не появилась ни среди живых, ни среди мертвых.

Даша Белоусова страдала от депрессии. Она начала возвращаться к нормальной жизни, однако по-прежнему не имела друзей. Жила в странной комнате: вспоминая ее обстановку, Макар не мог отделаться от ощущения, что девушка была глубоко равнодушна ко всему, что ее окружало, – кроме, может быть, плаката с корейской поп-группой.

По-хорошему Бабкин должен был сдать найденный телефон следователю и терпеливо дожидаться результатов. Вместо этого Сергей отвез его своему знакомому. Через два часа у него были ответы на все интересующие его вопросы.

Ответы эти оказались крайне скудны. Картина, нарисованная родителями, соответствовала тому, что он увидел, вскрыв мобильник Даши Белоусовой. Ни чатов с приятелями, ни ночных переписок с подругами... Специалист уверенно сказал, что с телефона в последнее время ничего не удаляли.

– Неужели она даже «Тиндер» не поставила? – спросил Сергей. Вполне рабочая версия: ушла из дома не учиться разносить тарелки с едой, а встретиться с кем-нибудь, а затем события развернулись непредсказуемо...

– Вообще никаких приложений такого рода, – ответил его знакомый. – Только игры. Кстати, этот телефон у нее всего полгода.

– Давай глянем переписку с семьей?

Переписка была скупой. «Приду через час». «Где ты?». «Задержусь на двадцать минут». Сергей надеялся, что хотя бы с братом Даша будет разговорчивее, но даже с преподавательницей танцев девушка общалась больше, чем с Максимом.

Как и говорила ее мать, все члены семьи были записаны под своими именами.

«А где шутки, мемы, смайлы, фотографии котиков и ролики с «Ютуба»? – спросил он себя. – Где хотя бы минимальная сетевая активность?»

Маршруты за последние три дня соответствовали тому, что рассказывали близкие. Девушка проводила все время дома, единственный раз на полтора часа ушла на занятие танцами.

Что-то смущало его в этой картине. Минимум контактов в записной книжке. Нет даже бывших одноклассников, а ведь прошел всего год с тех пор, как Дарья Белоусова окончила школу. Как будто она пыталась начать жизнь с нуля.

Он вернулся в сквер. Дерево, в развилке которого нашелся телефон, росло поблизости от широкой тропы, соединявшей центральную аллею и проезжую часть. Сергей прошел этим маршрутом и остановился, рассматривая противоположную сторону дороги.

Народная тропа была протоптана не просто так. На другой стороне улицы выстроились в ряд небольшой продуктовый, стоматологическая клиника и банк. В глубине за клиникой, в тупике, Сергей разглядел красно-белую крышу автозаправочной станции.

Ведомый инстинктом, существование которого применительно к себе Бабкин всю жизнь отрицал, он дождался, когда проедут машины, перебежал через дорогу и дошел до заправки.

– Ты здесь не видел эту девушку вчера?

Заправщик с любопытством глянул на телефон, но качнул головой:

– Не. Я вчера был выходной. У девчонок спроси.

Сергей зашел в помещение. Девчонками оказались две женщины лет сорока. Белоусову они вспомнили с первого взгляда.

– Ой, она тут долго вертелась! Притворялась, что шоколадку выбирает, а сама все присматривалась к водителям. Мы уж хотели гнать ее, думали – неужели проститутка такая наглая попалась! А потом она – хоп! – выскочила и в машину какую-то нырнула.

– За рулем был ее знакомый? – спросил Сергей.

Женщины переглянулись.

– Да мы и не поняли толком... Но вроде бы нет. Она, пока он ждал своей очереди, с ним парой слов перекинулась, потом что-то спросила...

– А я вспомнила! Спросила, не подвезет ли!

– Точно? – усомнился Бабкин.

– Точно-точно! Не были они знакомы, она его здесь подцепила.

Выйдя на улицу, Сергей позвонил Илюшину.

– Ты уже уехал из школы кейтеринга?

– Час назад, – отозвался Макар.

– Возвращайся. Я тоже подьеду, нужно прошерстить местный народ.

Бабкин рассуждал просто. Девушка запланировала побег. Она бросила телефон и уехала на пойманной попутке. У нее не имелось собственной банковской карты, по которой можно было бы отследить движение денежных средств, – только небольшая сумма наличными, которую ежемесячно выдавали родители.

Из всего этого следовало, что в ближайшее время ей потребуются работа и крыша над головой.

Где могли отыскаться добровольные помощники? Преподавательница танцев, ее собственный младший брат, – и это объясняло бы его относительное спокойствие на встрече с сыщиками, – или же люди, с которыми она общалась в школе кейтеринга.

Приехав в школу, он отыскал Илюшина.

– Нам нужна группа, в которой занималась Белоусова. Ты с кем-то успел поговорить?

– У них через десять минут заканчивается занятие.

Это были те самые юноши и девушки, которых Макар сегодня уже видел.

Он пристально оглядел их. Сразу отсеял тех, кому около тридцати. Белоусовой всего восемнадцать, она станет искать кого-то ближе к ней по возрасту. Поколебавшись, отбросил двоих накачанных парней лет двадцати пяти. Слишком много маскулинности. Нужен кто-то, не транслирующий вовне ни малейшей угрозы. Кто здесь самое безобидное создание?

Тридцать человек даже с напарником быстро не обрабо-

таешь, – значит, предстоит наметить тех, с кем имеет смысл общаться в первую очередь.

Он изучал их внимательнее, чем адвокат – присяжных заседателей, от которых зависит судьба обвиняемого. Ориентировался не на физиогномику, в которую не верил, а на язык тела.

Кто напряжен, а кто расслаблен? Кто стоит спокойно, а кто без конца тянет руки к лицу и переступает с ноги на ногу? Тики, мелкие подергивания – сразу отбрасываем. Оставляем тех, кто тихо перешучивается с соседями: болтливую толстушку в футболке со свинкой Пеппой; девушку со сложным плетением косичек на голове и серьгой в носу.

Илюшин отобрал еще пятерых, и после окончания урока Олег попросил их задержаться.

Недовольства не выразил никто. Всем хотелось быть на хорошем счету у руководителя школы.

Если бы все делалось как полагается, Макар долго и неторопливо разговаривал бы с ними с глазу на глаз. Но здесь не было ни времени, ни технической возможности. Поэтому распределили иначе: всех выбранных ребят посадили под навесом, Сергей ввел их в курс дела, Илюшин стал наблюдать со стороны.

Может быть, это выстрел вслепую, и никто ничего не знает.

Или Даша заручилась поддержкой одного из них и предупредила, что ее могут искать. Тогда кто-то постарается

скрыть правду. Задача Илюшина – вычислить этого человека.

Он не возлагал больших надежд на предстоящий разговор. Но в глаза ему бросилось, что одна из девушек чувствует себя неуютно. Она слишком быстро ответила «Нет, ничего не говорила» в ответ на вопрос Сергея, не делилась ли Даша своими планами на будущее. Она один-единственный раз испуганно взглянула на Макара и больше не поворачивалась в его сторону, в то время как все остальные то и дело поглядывали на второго сыщика, понимая, что он не просто так сидит в стороне и рассматривает их.

Подтверждая его подозрения, она дернулась и резко отстранилась, когда он подошел к ней после завершения короткой беседы.

– Я уже сказала, что ничего не знаю!

Макар молча смотрел на нее.

Светловолосая, как и Даша, невысокая, лет двадцати двух. В лице странно сочетались миловидность и озлобленность.

Под его взглядом она занервничала еще больше.

– Даша не совершила ничего противозаконного, – мягко сказал Макар. – Но ее мать и отец в панике. Вам ведь что-то известно, правда? Мы – частные детективы, и, если вам не хочется с нами разговаривать, вы имеете полное право этого не делать. Но рано или поздно к вам придет полиция.

При упоминании полиции она дернулась.

– Я просто рассказывала ей о своей работе, – буркнула

девушка.

«Быстро же ты сдалась, милая», – про себя усмехнулся Макар.

– Что именно вы рассказывали?

– В моем ресторане большая текучка. Знакомые девчонки снимают квартиру на пятерых по соседству. Недавно одна из них уехала, и я обмолвилась при Даше, что они ищут себе пятую. Мне с ними жить не с руки, у меня комната в общежитии.

– Почему вы сразу об этом не сказали? – недоуменно спросил Макар.

– Мы все – сестры, и должны поддерживать друг друга! – Она вызывающе вскинула голову. – Если Даша сбежала из дома, у нее были для этого основания!

– Вам они известны?

Девушка молча прикусила губу.

– У Даши хроническая депрессия, – сказал сыщик. – Из дома она ушла без таблеток.

– Только не вздумайте читать мне нравоучения, – взвилась она.

Макар спросил название и адрес кафе. Заведение было на юго-востоке Москвы. Достаточно далеко от дома Белоусовой, чтобы родителей или брата туда никогда не занесло даже случайно.

– Девять против одного, что там она и обретается, – сказал он, передав Сергею содержание беседы с девушкой. – Поезжай туда, проверь.

– А ты?

– Я – домой, у меня встреча. С опозданием девицы, надеюсь, ты без меня справишься!

Он снисходительно похлопал Бабкина по плечу.

– Куда уж мне, – буркнул Сергей и пошел к машине.

Кафе выглядело как инопланетный корабль, приземлившийся посреди московской площади. Стекло и металл – блеск, сверкание, хайтек. То, что консервативный Бабкин не любил, предпочитая если не тихую пивнушку, то шаурму у знакомого продавца.

Однако внутри все оказалось проще. Длинные поцарапанные столы, пластиковые стулья. Шумно, людно и суетно. Сергей сел в отдалении, спиной к стене, чтобы видеть зал, заказал суп и стал наблюдать.

Дашу Белоусову он заметил через десять минут. Поначалу Сергей принял за нее другую официантку, но когда девушка подошла ближе, понял свою ошибку. Человек, набравший персонал, руководствовался собственными вкусами, и добрая половина официанток была невысокими худощавыми блондинками со стрижками «каре».

Все они были одеты в униформу: темно-синие брюки, белые футболки, коричневые фартуки с накладными карманами. Большинству девушек фартук был велик.

С первого взгляда Белоусова не выделялась среди них. «Это все форма и одинаковые прически», – подумал Сергей,

но вскоре решил, что как раз она-то выделяется. Другая пластика тела: более живая, непринужденная. То ли природная, то ли результат занятий танцами.

На Сергея, сидевшего вне ее зоны обслуживания, Даша не обращала внимания. Доев свой суп, он собирался подойти к девушке, но зазвонил телефон.

На экране высветилось имя: Вера Белоусова.

– Есть какие-то новости? – встревоженно спросила она. – Простите, я понимаю, что дергаю вас, но мы в таком ужасе...

Она пыталась подавить рыдания.

– Я вижу вашу дочь прямо сейчас перед собой, живой и невредимой, – негромко сказал Бабкин. – Все у нее в порядке!

– Господи, где она? Что она делает?

– Обслуживает столики в кафе. Дарья устроилась работать официанткой.

– Боже мой... В каком?! Что это за место? Оно нелегальное? Ей там что-то угрожает?

– Это приличное заведение, – успокоил ее Бабкин. – Называется «Корова и дуб». Здесь много семей с детьми. Вы хотите, чтобы я с ней поговорил?

– Нет-нет, пожалуйста, не надо, – взмолилась Вера. – Вдруг она испугается и снова решит убежать! Я не знаю, чего теперь ожидать от нее... Попробую вечером подъехать и поговорить с ней сама. Хотя бы денег оставлю... Бедная моя девочка! Прошу вас, не пугайте ее...

Кажется, она всерьез опасалась, что при виде частного сыщика Даша снова бросится в бега. Сергей пообещал ничего не предпринимать, расплатился за невкусный суп и отправился домой.

Илюшину он отправил сообщение с фотографией Белоусовой, которую незаметно щелкнул на телефон. Макар ограничился короткой отпиской: «Ок!» – это означало, что созваниваться они будут потом, а сейчас он занят.

Дома было тихо и пусто. Маша уехала на встречу с подругами. Бабкин залез под душ, потом прошлепал мокрыми босыми ногами на кухню, достал из холодильника банку пива и повалился на диван в одном полотенце.

При жене он себе такого не позволял. Сергей хорошо запомнил, как быстро расслабился в первом браке: садился в трусах за обеденный стол, ковырял в носу, если возникала такая потребность, и не понимал, для чего человеку дома нужна хорошая одежда, когда вытянувшиеся трусики и ветхие дырявые футболки намного удобнее.

На себя прошлого он оглядывался неприязненно. Что заставляло его выглядеть распустившимся мужиком в каких-то двадцать пять лет?

«Чем теснее живешь с кем-то, тем важнее дистанция». Такое правило он вывел. Пару лет назад, поймав себя на том, что не прикрыл дверь в туалет, прежде чем помочиться, Бабкин вздрогнул. Жена сидела в соседней комнате, и, если только он не собирался устроить для нее звуковые спец-

эффекты типа «Бахчисарайский фонтан», его забывчивость выглядела необъяснимой.

Красная аварийная лампочка вспыхнула и замигала. Он стал с удвоенным вниманием следить за своими привычками.

Ему не хотелось быть противным для своей жены.

Поэтому Сергей заботился о том, чтобы у него не отрасло брюхо, не позволял волосам в носу покидать пределы ноздрей и даже понемногу приучал себя вместо любимых футболок носить дома рубахи.

Но сегодня можно было расслабиться. Маша вернется не раньше одиннадцати. У него куча времени! Он выбрал «Пацианов», включил первую серию и отпил пиво.

Четыре серии спустя у него заныла спина. Сергей встал, потянулся и решил сделать перерыв. Макар все не звонил. От нечего делать Бабкин открыл компьютер, щелкнул на новости. По старой привычке он раз в сутки просматривал раздел с происшествиями, особенно внимательно изучая те, которые случались рядом с их домом.

«Сотрудница ресторана застрелена на юго-востоке Москвы».

Несколько секунд он непонимающе смотрел на заголовок. Затем нажал на ссылку, и открылась статья всего в пару абзацев. Владельцы не успели заплатить ушедшему журналисту, чтобы он не упоминал название заведения в своей статье, и подзаголовок был выделен жирным шрифтом: «Убийство

шокировало посетителей ресторана! Официантка убита выстрелом в упор».

Далее следовало сообщение о том, что убийца скрылся и его ищут.

«Совпадение», – сказал себе Бабкин, похолодев.

Он набрал номер бывшего коллеги.

– Убийство в «Корове и дубе». Мне нужна фамилия жертвы, срочно.

– Блин, Сережа, конец рабочего дня, дай людям отдохнуть, – запротестовал тот.

– Саня!

– Да понял, понял! Не ори.

Коллега повесил трубку, а Бабкин принялся ждать. Он успел несколько раз обновить страницу с новостью и просмотрел другие сайты в поисках дополнительной информации, но ничего нового не узнал.

Пискнул телефон:

«Дарья Белоусова. Два пулевых, смертельное – в голову. Стрелок скрылся».

Бабкин втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

Он представил, как Вера приезжает в кафе, где только что убили ее дочь, и выругался. Позвонил, но абонент был недоступен. «Она уже в метро».

Тогда он набрал Илюшина.

– Дарья Белоусова застрелена час назад. В кафе, где я ее видел своими глазами.

Секундная пауза. Но Илюшин соображал очень быстро.

– Родители знают?

– Без понятия. Ни до матери, ни до отца не могу дозвониться.

– Едем к ним на квартиру, – решил Макар. – Черт! Кому понадобилась восемнадцатилетняя официантка?

Трясаясь в метро, Бабкин задавал себе тот же вопрос. Насильственная смерть Белоусовой говорила о том, что они пропустили что-то важное в своем расследовании.

Он успел по дороге выяснить, кто работает со следственно-оперативной группой на месте преступления, и договориться, что они с Илюшиным подъедут через час. «Надеюсь, застанем экспертов». Собеседник подтвердил, что выстрелов было два. Сергей поверил бы, что убийство – дело рук случайного сумасшедшего, бегающего с оружием по Москве, если бы не вторая пуля, выпущенная в голову несчастной девушки.

«Заказное убийство, – думал он. – Бред какой-то».

Илюшин ждал его возле дома Белоусовых.

– А почему не на машине?

– Пива выпил, – хмуро сказал Сергей. – Телефоны ни отца, ни матери не отвечают. С сыном то же самое.

– Может, все трое в метро?

– Вера сказала, что поедет туда одна, без мужа. Ладно, сейчас разберемся...

Лифт был сломан, им пришлось подниматься пешком на

седьмой этаж. Еще с пятого они слышали голоса, и Бабкин ускорил шаг.

Дверь квартиры, где жили Белоусовы, была распахнута. Внутри бородатый мужчина руководил группой из трех женщин.

– ...сдирай, завтра человека пришлю, переклеивать будем. Про шторы не забудь. Все отстирать, полы отмыть. А тебе что здесь нужно?

Последний вопрос относился к Илюшину. Но когда за ним в дверном проеме выросла фигура Бабкина, бородач непроизвольно сбавил тон:

– Вы кого-то ищете?

– Белоусовых, – сказал Макар. – Егора и Веру.

– Это еще кто такие?

– Они здесь живут, – вмешался Бабкин. Время, время поджимало! Если следственная группа уже на выезде, им нужно торопиться.

– Не живут здесь никакие Белоусовы, – отрезал тот. – Я хозяин. Жил мужик один, вот только съехал час назад потихому, и за последний месяц не заплатил! Соседка увидела, как он сумки таскает в машину, позвонила мне. Все свое вынес, сволочь. Смылся с концами! А где ваши Белоусовы, я без понятия!

Бабкин, не говоря ни слова, вышел на лестничную клетку и уставился на дверь с номером квартиры. Нет, они ничего не перепутали. Он не мог бы забыть этот коридор и ободранные

стены.

– Сережа, это та самая квартира, – сказал изнутри Макар.

– Что значит «та самая»? – насторожился хозяин.

Бабкин вернулся, сунул ему под нос удостоверение.

– Нам нужно десять минут, – негромко сказал он. – Мы только осмотрим комнаты.

Бородач запротестовал, но Сергей взглянул на него и раздельно повторил:

– Десять. Минут.

И тот не стал спорить.

Квартира была пуста: вычищена, выскоблена изнутри, словно раковина. Остались предметы мебели: диван, кровать, кухонный гарнитур, – но все личное, частное исчезло. О плакате с корейскими мальчиками напоминала только лента высохшего скотча, болтающаяся, как сопля, на обоях. Грязно-розовые шторы в комнате Даши предстали тем, чем и были на самом деле: запыленными тряпками, которые давно не стирали.

Брошенный дом усмехался им в лицо. Ни клочка мусора, ни забытого белья. Все подчищено, подтерто, и над выхолощенным жильем витает не выветрившийся до конца запах хлорки.

Бабкин стал вспоминать, что они видели, когда были здесь. Вещи на вешалке в прихожей, ботинки... Все это упаковывается за двадцать минут. Кухня? Там был минималь-

ный набор посуды. Ничего из того, что придает комнате свое лицо: ни подушек на стульях, ни комнатных цветов, не говоря о магнетиках на холодильнике...

Он натянул перчатки, вынул из сумки набор для снятия отпечатков пальцев.

– Пожалуйста, не пускайте пока уборщиц в комнаты, – сказал Илюшин бородачу, следовавшему за ними по пятам. – Простите, как вас зовут?

– Константин...

– Константин, у вас есть договор с арендатором?

– Само собой! Я с этого козла через суд буду взыскивать! Обои подрал, паркет поцарапал... Пусть еще за моральный ущерб платит...

– Можно взглянуть?

В договоре Илюшина заинтересовала страница с паспортными данными. Арендатором значился некий Игорь Матвеев, тридцати двух лет.

– Утром мы встречались в этой квартире с семьей, у которой пропала дочь, – сказал он. – Посмотрите, пожалуйста: вы видели этих людей раньше?

Он показал копии паспортов Белоусовых-старших и снимок Дарьи. Владелец внимательно рассмотрел их и покачал головой:

– Не, не встречал... Мужик у меня снял эту квартиру шесть месяцев назад. Сказал, что жить будет один.

– Он рассказывал о себе?

– Да то же, что и все... Переехал в Москву из Костромы, устроился тут на работу. Сказал, что планирует на долгий срок. Я, правда, удивился, зачем ему одному три комнаты, но это уж не мое дело. Вольному воля, правильно я говорю? А трешки не самые ликвидные, их сдать труднее, чем однушку...

– Познакомьте меня, пожалуйста, с вашей соседкой, – попросил Макар.

Пожилая женщина, открывшая им, сообщила, что последние месяцы провела на даче, наезжала изредка, только чтобы проверить квартиру, и не видела своих соседей. Ни родителей, ни юношу, ни девушку. А вот как заметила, что какой-то тип стаскивает вещи по лестнице, так сразу позвонила Косте!

На лестничную площадку вышел Сергей, скатывая перчатки. Отвел Макара в сторону.

– Отпечатков нет. Кто-то прошелся с тряпкой по всем поверхностям. Подлокотники, подоконники, зеркала, полки в кухне – все чистое. Много времени не заняло, а следы зачистили качественно.

– Дверные ручки? – спросил Илюшин.

Сергей внимательно посмотрел на него.

– Понял, – со вздохом сказал Макар. – Извини. Поехали на место преступления.

Они записали телефон Константина и договорились, что он позвонит им, если будут какие-то новости. Хозяин квар-

тиры недоуменно кивал и соглашался. Он, кажется, так и не понял, что произошло.

«А сами-то мы поняли?»

Когда они вышли на улицу, Бабкин вытащил сигареты и закурил. Илюшин не сказал ни слова.

– Сейчас быстро докурю и поедem, – пообещал Сергей.

– Не торопись. Все равно уже везде опоздали. – Илюшин раздраженно щелкнул пальцами. – Черт, черт! Кошка, которую звали Машка, потому что он на ходу выдумал эту кличку по созвучию с именем дочери! Названия корейских поп-групп, которые *не похожи* на лягушачье кваканье! А как тебе выдумка с удочерением? Надо было подстраховаться на случай, если мы найдем Дашин сотовый и увидим, что в нем записаны не «мама» и «папа», а «Вера» и «Егор». Сережа, нас провели как последних идиотов. Сколько шансов, что паспорта не поддельные?

– Один из тысячи. Только если они дураки или люди, которым нечего терять. Но на первое ничего не указывает. Они наняли нас, выяснили, где Дарья Белоусова. Женщина упростила меня не подходить к ней, и они профессионально убрали ее, а затем смылись. Знали, что мы придем, и все успели, даже с запасом. Уже за час до нашего визита от них не было и следа. Стерли отпечатки – значит, боялись опознания. Следовательно, паспорта поддельные. И тот тип, который снимал квартиру, тоже вряд ли существует. Скорее всего, один из членов банды.

– И все это для того, чтобы убить восемнадцатилетнюю девчонку, – задумчиво сказал Макар.

– Угу. С нашей помощью. – Бабкин докурил и бросил окурок в урну. – Поехали.

В метро за всю поездку оба не проронили ни слова. От Сергея так явственно фонило яростью, что вокруг них образовалось свободное пространство.

Напрасно он повторял себе, что у них не было оснований, чтобы проверять подлинность паспортов Белоусовых. Что те привели с собой какого-то парня, сыгравшего роль их сына, и это тоже сработало в их пользу – картинка выглядела убедительной. Что квартиру подготовили к их приходу, натаскали в комнату предметов, свидетельствующих, что здесь действительно живет восемнадцатилетняя девушка...

Бесполезно. Их наняли люди, которые пытались найти Дарью Белоусову, и они с Макаром вывели их прямо на нее. Он сам, лично, сдал ее местонахождение хитрой бабе, притворившейся страдающей матерью. Купился на притворные рыдания.

Когда они поднялись из метро на поверхность, Макар нарушил молчание.

– Комнату они нафаршировали тем, что под руку попало. Интересно, был ли в ней хоть один реальный предмет, принадлежавший Дарье? Игрушки – из магазина, если не с помойки. Плакат купили в ближайшем киоске. Книжки – бесплатные, с батареи в подъезде. Одежда? Ну, одежда,

наверное, принадлежала ей.

– Зачем убивать, если девчонка и так жила с ними? – мрачно спросил Бабкин.

– Мы даже этого достоверно не знаем.

– Маршрут на камерах совпадает с тем, который они описали. Похоже, им действительно нужно было отыскать ее.

– Тогда убили именно потому, что она сбежала.

– Украла что-нибудь? – вслух подумал Сергей. – Но зачем убивать?

Он издалека увидел возле кафе машину опергруппы и ускорил шаг.

Со следователем Бабкин был знаком. Тот поздоровался и сказал, что они почти закончили.

Намек был прозрачен: все устали, никто не собирался задерживаться ради двух частных детективов.

– Взгляну на тело? – попросил Сергей. – Или уже увезли?

– Нет, пока здесь. Машина в пробках застряла.

– Все как обычно.

Они мрачно ухмыльнулись друг другу, и Бабкин вышел на задний двор. Илюшин безмолвно держался за его спиной.

Тело под черным полиэтиленовым пакетом казалось совсем маленьким. Девушку застрелили, когда она стояла на крыльце: она скатилась вниз, на ступеньках остались следы крови. Сергей осторожно обошел их и присел на корточки рядом с трупом.

Он не боялся вида смерти, но всегда медлил пару секунд,

прежде чем откинуть покрывало, – словно давал покойнику время подготовиться к неприятной встрече с живыми.

Невдалеке курили, до него доносился запах дыма. Он приподнял пакет и рассмотрел тело. Светлые волосы в крови. Пулевое отверстие чуть выше левого уха. Лицо удивленное, совсем юное. Под нижней губой розоватый след размазанной помады. Бабкин скрипнул зубами.

– Смерть наступила около семнадцати тридцати. – Следователь подошел и встал за ними, сунув руки в карманы. – Она курила на крыльце, убийца приблизился, выстрелил – расстояние метра три, не больше. Когда упала, подошел и добил. Хотя и первая рана была смертельной, по словам эксперта. – Он помолчал и добавил со вздохом: – Совсем народ озверел...

– Свидетели? – спросил Бабкин.

– Свидетелей полно, толку чуть. Этот двор проходной, как видишь. Убийца ждал на скамейке, когда официантка выйдет. У них смена заканчивается в восемь, он пришел заранее. Девчонка выскочила покурить, он просто подошел и застрелил ее. Люди слышали два громких хлопка. Кое-кто видел высокого мужчину в куртке с капюшоном.

– А что с камерами ресторана?

Следователь хмыкнул.

– Есть, но качество поганое. Решили, понимаешь, сэкономить. – Он кивнул на убитую девушку. – А к вам она какое отношение имеет?

Сергей собрался с силами. М-да, после этого случая они с Илюшиным надолго станут посмешищем.

Самое печальное, что он знал следователя как хваткого профессионала. Подвернись им сейчас дурак и взяточник, Бабкин обрадовался бы ему куда больше. В этом случае у него были бы все основания держать историю о фальшивых клиентах при себе.

– Она вышла покурить на крыльцо? – переспросил Илюшин.

– Да.

– И успела закурить?

– Окурок валялся там. – Следователь указал на нижнюю ступеньку. – Пачку сигарет и зажигалку положила на перила, они так и лежали, когда ее нашли.

– Пачку сигарет... – повторил Макар и пружинисто выпрямился. Всю его молчаливость как рукой сняло. – Персонал уже разошелся?

– Нет, все здесь, с ними пока работают. Но они говорят в общем одно и то же: слышали хлопки, стрелка никто не видел. Про личную жизнь она не распространялась, будем родных опрашивать...

– Тело опознал кто-то из присутствующих?

Бабкин недоуменно взглянул на него.

– В каком смысле – опознал?

– Это не Белоусова, – сказал Макар.

В первую секунду Сергей не понял, о чем говорит напар-

ник. Светлые волосы, острый подбородок, надпись на бейдже. Он своими глазами видел эту девчонку несколько часов назад!..

– Белоусова не курила. – Илюшин обернулся к следователю. – Это другая девушка. Не выпускайте никого из ресторана, надо выяснить, кто она.

Убитую звали Виктория Сивкова.

Когда заново опросили весь персонал, стала ясна картина случившегося.

– ...она сок на себя опрокинула, – рассказала одна из официанток. Бабкин отметил, что она тоже напоминает Белоусову, и поймал себя на желании начистить менеджеру рыло. Подобрал их, сволочь, будто в собственный гарем. – Вика психовала весь день, к вечеру совсем расклеилась... Это бывает, особенно поначалу. Я внимания не обращала, только слышала, как Даша ее утешает... Нет, раньше не знала никого из них. Они и сами только здесь познакомились. Новички обычно всегда растерянные. Белоусова? Нет, она поспокойнее...

Старшая официантка смены была очень смущена общей ошибкой и старалась вспомнить события как можно добросовестнее.

– ...вообще-то у нас для таких случаев должна храниться запасная одежда в шкафах. Но ресторан не выдает на нее денег, а сами мы... В общем, мало у кого она есть. Знаете,

сколько сейчас стоит купить новую форму! Даша прибежала ко мне и отпросилась на пять минут. Она снимает квартиру на соседней улице, через дорогу. Сказала, что захватит из дома запасную футболку, похожую на форменную, и принесет. У Вики в обслуживании в это время было три столика, а у нас поначалу строго следят за новенькими, меняться не рекомендуется. Это потом все расслабляются.

– Даша сняла свою футболку и отдала Вике?

– Да. У них один размер. А бейдж остался, они в спешке не стали заморачиваться с тем, чтобы перекалывать. Даша накинула куртку прямо на белье и побежала за запасной футболкой.

– А почему Сивкова вышла покурить в середине смены?

– Клиенты ее ушли. У нас такое часто бывает: то густо, то пусто. У одних ребенок начал скандалить, они быстро свернулись. Другим позвонили, что машину эвакуируют – выскочили как ошпаренные... Третьи просто доели.

«Черт, как просто, – думал Сергей. – Две девчонки поменялись майками, одна вышла покурить... Как долго этот козел ждал ее? Что бы он предпринял, если бы официантки покинули кафе группой? Выслеживал бы Белоусову до дома и прикончил ее у подъезда?»

Впрочем, что толку об этом размышлять. Случилось то, что случилось. Убийца застрелил не ту девушку.

Следующим они опросили охранника «Коровы и дуба», который первым наткнулся на тело. Бабкин, который был

невысокого мнения обо всех охранных службах мира, отдал должное этому человеку, хотя ошибка в опознании в итоге случилась именно из-за его действий.

– Девчата загомонили, что колесо у машины лопнуло, – неторопливо говорил чисто выбритый мужчина лет пятидесяти с мясистым лицом. – Но я сразу понял, что стреляли. Два хлопка – не, колесо так себя не ведет. И звук другой. Палили во дворе, я метнулся туда, гляжу – наша лежит. – Он поморщился. – Ну, с такими ранами не выживают. Все равно проверил пульс на всякий случай... Мало ли, какие чудеса... Но в этот раз вышло без чудес.

«Не совсем так», – мысленно сказал Сергей, как раз считавший возвращение Белоусовой к жизни чем-то сродни волшебству.

– Народ изнутри повалил на крыльцо, я рыкнул, чтобы не высовывались.

– Почему?

– Затопчут следы, да и незачем глазеть... К тому же на счет стрелявшего ясности не было. А вдруг вернется? Если псих, запросто может... Наташа, старшая смены, выглянула, я ей крикнул, чтобы пакет принесла. Закрыв девчонку. На бейдже прочитал имя, сказал, когда ваши приехали...

– Вы не знали ее в лицо?

– Она недавно появилась, откуда мне ее знать.

«Вот почему убитая прошла по сводкам как Дарья Белоусова».

Ладно, с этим разобрались. Но где она сама?

Еще сорок минут ушло на то, чтобы восстановить перемещения Белоусовой во время убийства.

Девушка вернулась в кафе за пять минут до нападения. Бабкин в очередной раз поразился ее везучести. Когда раздался выстрел, она была внутри: помогала убирать посуду со столиков. Ее видели другие официантки. Затем она незаметно исчезла.

Шкафчик с ее вещами был пуст. Просмотрели записи с внутренних камер ресторана и увидели, что девушка покинула «Корову и дуб» в семнадцать тридцать шесть. Внешние камеры зафиксировали, как она вливается в толпу пешеходов и исчезает на улице, ведущей к метро.

Бабкин подавил желание выкурить еще одну сигарету. Все это в голову не лезло.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он Илюшина.

– Понимаю, что у Белоусовой отличная реакция, – одобрительно сказал тот. – Услышала выстрел, бросилась было со всеми вместе, но сразу же догадалась, что произошло. Видишь? – Он показал на остановленный кадр. – Она не ломится в заднюю дверь, а замирает на две секунды, разворачивается и бежит в комнату для персонала. Две секунды ей понадобилось на осмысление! Запихала вещи в рюкзак – и смылась. Она знала, что убить должны были ее, а не Сивкову.

– Следователь отправил людей на съемную квартиру... – начал Сергей.

Илюшин пожал плечами:

– Бесплезно. Ее там нет. Документы и деньги у нее с собой, все остальное она бросит. Ей нужно затаиться и где-то пересидеть, потому что теперь ее ищут не только бывшие подельники, но и полиция. О нас Белоусова, скорее всего, не догадывается...

– Бывшие подельники? – перебил Сергей. – С чего ты взял?

– А кто же? У них фальшивые паспорта на всю команду и наемный киллер, замороженный достаточно, чтобы затеять пальбу ранним вечером в присутствии свидетелей. Кем еще они могут быть?

Бабкин все-таки вытряхнул сигарету из пачки, но не закурил: стоял, вертел в пальцах.

– И что теперь?

– Отыщем ее, – как о само собой разумеющемся сказал Макар. – Выясним, кто эти люди, устроившие перед нами спектакль. Найдем и их тоже.

– На ее месте я бы сейчас драпал без оглядки из Москвы.

– Может, и так. Или, если ей некуда драпать, она будет искать место, где укрыться.

Бабкин недоверчиво покачал головой.

– Это даже не иголка в стоге сена... Какие у нас зацепки? Ну, в ресторане на шкафчике будут ее отпечатки пальцев. Если приводов не было, это ничего не даст. Опросят соседок, которые впервые увидели ее вчера. В лучшем случае устано-

вят, что у нее есть второй телефон, который она наверняка уже сбросила, как сделала с первым. Единственное, что у нас имеется...

Он осекся.

– Сережа, не зависай, – попросил Макар.

– Подожди, как это может быть? Черт, они что, реально это провернули?..

Илюшин поднял брови.

– Заявление о пропаже человека! – объяснил Сергей. – Оно-то реально существует. У них хватило наглости прийти с поддельными паспортами и подать заяву?..

– Или, – сказал Макар, помолчав, – есть еще один вариант.

Глава 2

Илюшин оказался прав.

Заявление об исчезновении Дарьи Петровны Белоусовой было подано шесть месяцев назад. Услышав об этом, Бабкин взвыл, не сдерживаясь.

– Ты почему мне сразу об этом не сказал? – рычал он в трубку на оперативника. – Какого лешего, Боря!

Илюшин отобрал у него телефон, успокоил перепуганного собеседника Бабкина и попросил выяснить все обстоятельства исчезновения девушки. На этот раз информация пришла очень быстро.

Людмила Белоусова, мать девушки, пришла в отделение полиции на Вагжанова двадцать девятого ноября.

– Вагжанова, Вагжанова... – забормотал Бабкин, хорошо знавший Москву. – Это где?

– Это в Твери, – любезно подсказал Макар.

– Так она в Твери пропала?!

– А что тебе, Тверь не город, что ли?

«Ушла из дома, оставив записку... села в машину марки «Вольво»... Номера не знаю».

Сергей отложил заявление, написанное матерью девушки, и потер лоб.

– Так. Резюмируем. Мать Белоусовой зовут Людмила. На счет отца неизвестно. Она подала заявление в полицию в

конце ноября прошлого года. Оно попало в общую базу, и когда я спрашивал Бориса, есть ли заява, он отыскал именно его. Наши с тобой знакомцы в полицию не обращались...

– ...Но знали, что заявление есть, – уточнил Макар.

– Или солгали, надеясь проскочить, и им повезло.

– В любом случае нужно ехать туда и встречаться с ее семьей.

Сам Бабкин поступил бы иначе. Будь у него время и люди, он стал бы планомерно прочесывать город в поисках сбежавшей девушки. Из кафе она двинулась в сторону метро: значит, изучить показания камер, отследить, где она вышла... Ей всего восемнадцать, она не матерый преступник, а неопытная девчонка. Она будет заходить в магазины, заговаривать с прохожими на остановках. Ее запомнят свидетели, она попадет в объективы камер. Двое-трое суток безостановочной пахоты – и они отыскали бы ее, в этом Бабкин был уверен.

Если только...

Если только не существовало человека, который ей помогал.

Это значительно упростило бы положение Белоусовой и всерьез осложнило их с Макаром работу. Но пока ничего не подтверждало эту версию. Даша посещала школу кейтеринга, там разговорилась с одной из девушек, узнала о том, что ресторану нужны официантки, а в съемной квартире есть

свободное место... Сбежала из дома – они все-таки полагали, что она жила какое-то время с псевдородителями, – прошла собеседование и приступила к работе.

Если бы не они с Илюшиным, она сейчас бегала бы по ресторану, обслуживая клиентов.

Но они вывели на Белоусову людей, которые почему-то были очень заинтересованы в том, чтобы ее убить, и только стечение обстоятельств позволило девушке остаться в живых.

У них нет времени, чтобы нанимать команду и искать Дашу по всем правилам, как он привык. Придется идти тем путем, который предложил Илюшин.

На следующее утро Бабкин с небольшой сумкой вошел в квартиру Макара, служившую им офисом. За окном голубело небо, плыли кучевые облака, неправдоподобные, как на картинке в детской книжке, и Сергей поймал себя на том, что начинает понимать, отчего Макар выбрал двадцать пятый этаж.

Сам Бабкин, будь его воля, обитал бы в доме, стоящем на земле. Чтобы деревья зеленели за окном, зимой наметало бы снега по самые наличники, а по осени красные яблоки стучали по траве, словно конские копыта. Тыбыдым, тыбыдым! Илюшин упорно стремился вверх и очарование жизни в собственном доме понимать отказывался. У Сергея кружилась голова, когда он рассматривал двор и детскую площадку с

верхотуры. А Макар устроил себе широченный подоконник и полдня проводил на нем.

– До Твери пробок нет, поехали, – сказал Сергей. – С местным отделом я созвонился, обещали помочь. Слушай, пока поднимался к тебе, подумал вот о чем: мы знаем, что Белоусова осталась цела, а эти уроды, ложная семейка, – не знают. Что дает нам дополнительное время. А может, они так и останутся в уверенности, что у них все получилось. Как думаешь, где они раздобыли фальшивого сына?

– Не уверен, что он фальшивый, – отозвался Макар.

– Почему?

– Я бы в этом случае доверял проксемике, а она говорит, что расстояние между...

Бабкин воззрился на него, и Илюшин поднял бровь:

– Что ты на меня так смотришь?

– Ты увлекся астрологией?

Макар хмыкнул.

– Проксемика, мой невежественный друг, – это раздел социальной психологии, которая занимается изучением личного пространства человека в повседневном поведении. А Проксима Центавра, о которой ты сейчас подумал, – это ближайшая к Солнцу звезда. Так вот, проксемика советует смотреть на ориентацию людей в пространстве и по отношению друг к другу, чтобы понять, в каких они отношениях. Улавливаешь?

– Да уж не бином Ньютона, – пробормотал уязвленный

Сергей.

– Женщина, которая представилась матерью Белоусовой, постоянно держалась рядом с парнем. Когда они были у нас, он занял стул, она стояла за ним, положив ему руки на плечи. В квартире он тоже терся близко от нее. Я бы не исключал, что это реальные мать и сын.

– А отец?

– Отец – нет, он был сам по себе. Довольно отстраненный человек, если отбросить его притворную позу «Ах, найдите мою пропавшую дочь». Мы списали неровности его игры на сильные переживания, а он просто паршивый актер. Кстати, у нас их фотографии с паспортов. Данные фальшивые, но фото-то настоящие. Можем прогнать по базе?

– Попробуем, но это долго.

До Твери долетели по платной дороге за два часа. Зато потом Бабкин почти час крутился по узким улочкам, то и дело сверяясь с навигатором и чертыхаясь. Дом, в котором жила семья Белоусовой, находился в районе частной застройки, за чертой города. Улицы здесь перетекали в пронумерованные переулки прихотливо и без всякой видимой логики. Сорок первый проезд сменялся шестнадцатым, вдруг выплывала откуда-то улица Вишневая, а за ней снова необъяснимо возникал сорок первый проезд. В конце концов Бабкин плюнул, отловил возле магазина аборигена – темнокожего, как индеец. Этот провожатый с удовольствием взял на себя функции штурмана. Пять минут спустя они выехали к нуж-

ной точке.

Абориген с большим достоинством принял у Бабкина купюру, приподнял несуществующую шляпу и испарился.

Сыщики вышли из машины и остановились перед домом, в котором еще полгода назад жила Даша Белоусова.

Перед ними было типичное жильё кума Тыквы, вставшего на ноги. Постройку как будто собрали из разных деталей, плохо подходящих друг к другу, но сердцем ее, несомненно, была деревенская хибара в два окна. Слева хибару дополнял пристрой из сайдинга. Справа клеилась кирпичная веранда. Второй этаж, по прикидкам Бабкина, надстраивали как минимум трижды.

– Людмиле Белоусовой сорок пять, – негромко сказал он. – Воспитывает семерых детей от разных мужей. Старшие уже взрослые, двадцать три, двадцать два и двадцать, но живут с ней. Младшим – пятнадцать и тринадцать, самой мелкой – пять.

– Это все свои дети или усыновленные? – удивленно спросил Макар.

– Свои.

– Ого! А что с отцами?

– Первый муж в розыске. Второй в Черногории живет, детьми не интересуется. Третий свалил и не платит алименты; в суде лежит производство по делу. Про отца младшей вообще неизвестно, кажется, мать и сама не знает, от кого родила.

– Удивительное умение выбирать партнеров. Ну что, идем знакомиться...

Калитка оказалась не заперта. Не было ни пса в конуре, ни кошки, спящей на крыльце. Вдоль забора вяло колыхались петунии. В огороде на неровных грядках, огражденных шифером, зеленела морковная ботва.

Пыльно, неряшливо. С соседнего участка доносится вонь куриного помета.

Хлопнула дверь, и на пороге появилась женщина в коротком цветастом платье-халатике, открывавшем крепкие загорелые ноги. Сергей ожидал увидеть замученную тетку, но хозяйка была моложава и румяна.

– А вы что здесь ищете? – Она с любопытством уставилась на них.

– Здравствуйте. – Илюшин выступил вперед. – Людмила Белоусова здесь живет?

– Это я...

– Мы хотели бы поговорить о вашей дочери, Даше.

Она всплеснула руками:

– Нашли эту дрянь? Где она, подлая? – Щеки ее вспыхнули, и она стремительно сбежала с крыльца. – Дарья! Дарья, бессовестная ты девка!

Белоусова выскочила за калитку, подбежала к «БМВ» Сергея и принялась барабанить кулачками по стеклу. Задние окна были затемнены, но не составляло никакого труда раз-

глядеть через лобовое, что в салоне пусто.

– Людмила, там никого нет, – громко сказал Макар, выйдя за ней следом.

– Я хочу знать, где она! – кричала Белоусова, не слушая его.

К окнам дома изнутри прилипли детские физиономии.

– А хотите знать, во сколько вам обойдутся новые стекла для этой машины? – хладнокровно поинтересовался Илюшин.

Упоминание о деньгах подействовало на нее как ушат холодной воды. Белоусова отступила на два шага, уронив руки. Постояла и обернулась к ним – растерянная, покрасневшая:

– Извините! Я думала... Думала, вы привезли ее...

Вспышка глупого и необоснованного гнева никак не вязалась у Сергея с ее милым простоватым лицом.

– Просто она так плохо бросила нас... Я все надеялась, она одумается, вернется. Знает же, что мне нужна помощь. А зачем вы приехали, раз не привезли ее?

– Привезем мы ее или нет, во многом зависит от вас, – уклончиво сказал Макар.

– Ну, тогда проходите в дом, что ли...

Успокоилась она так же быстро, как вышла из себя, и теперь Сергей ловил детскую заинтересованность во взглядах, которые она бросала на него и Илюшина.

Их провели в кухню. Хозяйка без всякого смущения смахнула рукой крошки со стола в подставленную горсть. Гора

немытых тарелок в раковине, заплесневелые горбушки, сор под ногами, обертки от конфет, валяющиеся на подоконнике... Приоткрылась дверь, и на пороге показались двое: парень и девушка с помятыми лицами.

Чернявые. Невысокие. Оба с нездоровой кожей и сальными волосами. Они подозрительно уставились на гостей, не говоря ни слова.

– Это детки мои, Инга и Олежек, – радостно представила их Людмила. – Вадим спит, скоро выйдет. Надежда моя – старшенькие! У меня от них секретов нету...

«Зато у Инги с Олежеком своих хватает», – подумал Бабкин. Эти двое ему не понравились. С гостями не поздоровались. Глядят исподлобья. Сейчас еще Илюшин начнет разливаться соловьем и сообщит, что они частные детективы, – хорошо, если парень с кулаками не набросится, какой-то он нервный...

Но произошло все не так. Когда Макар объяснил, кто они и зачем приехали, Олег и Инга явственно расслабились. Девушка заварила чай, ее брат нарезал бутерброды с сыром. Сыр был засохший, масло отдавало прогорклым, но Сергей невозмутимо сжевал бутерброд: если тебе что-то нужно от свидетеля, никогда не отказывайся от угощения.

– Следы Даши нашлись в Москве, – сказал Илюшин, – мы видели ее вчера, но она снова пропала.

Ее мать осуждающе поджала губы:

– Шальная девка! Сколько в нее вложено, а все не впрок!

– Вы не могли бы рассказать о ней побольше? И об обстоятельствах ее исчезновения. Вы не поддерживали с ней связь все это время?

– Поддержишь тут, как же, – с горечью сказала Людмила. – Ни телефона не оставила, ни адреса. Прыг в чужую машину – и укатила, будто так и надо. Вот так растишь их, растишь, душу вкладываешь, куски от себя отрываешь... Она ведь после интерната в химико-технологический поступила, училась хорошо, а еще работать успевала! Официанткой устроилась, такие деньги зашибала на чаевых... Все ее любили! А вместо этого...

– После какого интерната? – уточнил Макар.

– С восьмого класса Даша перешла из школы в наш местный интернат, на пятидневку. Хорошее место! Я бы и сама у них пожила!

– Интернат специализированный, с каким-то уклоном?

– Да нет, обычный...

– А почему Даша училась в интернате, а не в школе? – нахмурился Илюшин.

Людмила всплеснула руками:

– Как все эти рты-то прокормить? Они каждый день есть просят! Чай, дети, не собаки... На всех попробуй тут повертись-приготовь-разогрей... А в интернате – на всем готовом. Дашке повезло, она одна из всех моих туда попала.

Олег и Инга жевали, не высказывая никакого интереса к беседе.

– У Даши был бойфренд? – спросил Макар.

– Ей об учебе надо было думать, а не о парнях. – Мать напустила на себя строгий вид, и Бабкин легко представил, что именно с таким выражением лица она разговаривала с дочерью. От тоски сводило скулы. – Нет, никаких шашней, я бы такого в своем доме не допустила!

Илюшин вопросительно взглянул на Ингу. Старшая сестра могла знать то, что скрывалось от матери.

– Дашка ску-у-учная, – протянула та. – С такой никто мутить не станет. Не было у нее никого.

– С кем же она уехала?

Из дверей выполз кривобокий сонный парень в семейных трусах. Взглянул на сыщиков мутными глазами, сцапал со стола бутерброд, промычал что-то и исчез. Вадим, понял Бабкин. Надежда маменькина.

– Мужик какой-то ее увез, – внезапно сказал Олег. – Старый. С ним тетка была. Это нам соседка сказала, она их видела. Они к Дашке не в первый раз приезжали. В кафе ее возили, все о чем-то говорили с ней. Дважды они здесь были, точно. А сами – москвичи.

– Откуда это известно?

Парень взглянул на Илюшина снисходительно:

– На московских номерах они были, вот откуда.

Бабкин записал имя и адрес соседки.

Илюшин машиной не очень заинтересовался. Он расспрашивал о том, как Даша училась, как общалась с братьями

и сестрами... Мать отвечала неохотно, все время пытаюсь соскользнуть с обсуждения дочери на рассказ о собственной непростой судьбе. Бабкин, слушая Людмилу, поймал себя на том, что они напоминают рассказ фальшивой Дашиной семьи. Людмила Белоусова знала о своей средней дочери так же мало, как те двое. По ее словам, Даша не встречалась с парнями. У нее не было ни подруг, ни серьезных увлечений. Когда выдавалось свободное время – что случалось нечасто, – она убегала в приют для собак, где постоянно требовались волонтеры. Это был единственный живой штрих к портрету, лишенному всяких красок.

Правда, у Белоусовой нашлись фотографии. С детских снимков смотрела не улыбка светловолосая девочка. Смеялась она лишь там, где фотограф поймал ее в обнимку с какой-то лохматой дворнягой.

– В Москве ей, конечно, делать нечего, вы если ее найдете, так и скажите: пусть возвращается, я ругаться не буду, хотя подлость она совершила, конечно...

Ее речь перебили пронзительные вопли. В кухню вбежали две девчонки, одна не старше пяти, вторая лет тринадцати. Эта вторая показалась Бабкину странноватой: рот перекошен, глаза навывкате. Мать отмахнулась от обеих. Инга поймала младшую сестру за руку, откуда-то выхватила расческу и за минуту заплела ей косички, пока малышка приплясывала от нетерпения. Выпустила – и в следующую секунду та исчезла. Сестра с пронзительным визгом, от которого закла-

дывало уши, помчалась за ней.

– Ирка! Светка! А ну не топать! Завтракать идите нормально! А я Дашу, значит, приучала ко всему, – не меняя интонации, продолжала Людмила, – и к огороду, и дома по хозяйству, уборка там, знаете, готовка... И за младшими приглядеть. Она бы у меня всему научилась...

– А старшие ваши дети? – спросил Макар, воспользовавшись тем, что Олег с Ингой вышли. – Они вам помогают?

Она засмеялась, показывая неровные зубы.

– Эти-то трое? Да вы что! С ними проблем не оберешься. Олежек у меня все нервы истрепал, я с ним седая стала: и пил, и дрался, и воровали они с Вадиком, и машину как-то угнали и разбили, чуть не сели, пришлось везде заносить... – Она говорила с простодушной уверенностью ребенка, не сомневающегося в правильности своих поступков. – Инга тоже моей крови попила. То с алкашом каким-то связалась, потом с уркой – только из тюрьмы вышел, искал себе проститутку для приработка... Да и воровства выше крыши... – Она махнула рукой. – Они у меня драчуны, первые-то. В их старших классах я хваталась за любую подработку. За выбитые зубы кто должен платить? Мамочка! А руку Олежек сломал однокласснику – она сама не срастется, доктор денег стоит. От директора не вылезала, везде в ножки кланялась, просила дотащить моих балбесов до конца школы... Младшие вон тоже... Одной только бы носиться. Ногти фломастерами накрасила – и больше ей ничего не нужно! В школе двойка на

двойке. И за Пашкой глаз да глаз. Тихоня он, себе на уме. Любая мать знает: если дети притихли – значит, где-то рядом будет пожар.

Она визгливо рассмеялась. Бабкин подумал, что после всего рассказанного ею шутка вовсе не выглядит смешной.

За приоткрытой дверью ему почудилось какое-то движение. Он бросил короткий взгляд: подросток, худой и невысокий, прятался в темноте. Во всяком случае, он и впрямь был *тихоней*. Если б не его неосторожное движение, Сергей ничего не заметил бы.

– И в интернате Дашку всегда хвалили, – с гордостью продолжала Белоусова. – Это она в меня такая старательная!

– У вас остались контакты ее учителей? – спросил Илюшин.

Он записал телефоны и адрес интерната и вернулся к тому дню, когда исчезла Даша.

Было ли что-то подозрительное в ее поведении? С кем она могла обсуждать свой отъезд? С кем из братьев-сестер Даша стала бы списываться или созваниваться, если ей потребовалась бы помощь?

На все эти вопросы Людмила отвечала невразумительно.

– У вас есть какое-то объяснение ее поступку? – спросил наконец Макар.

– Тихушница она! – осуждающе сказала Белоусова. – Скрытная, ничего про нее не узнаешь! Я думаю, она работать устроилась в Москву, место хорошее нашла. А семью,

значит, побоку! Выкинула из головы, бессовестная!

– Кем устроилась? – не выдержал Бабкин.

Женщина пожала плечами. На ее лице было написано, что они ей до смерти наскучили.

Когда они выходили из кухни, за дверью уже никого не было. Бабкин покосился на окна: нет, никто не провожал их.

Сев в машину, он буркнул:

– Я не понял, отчего старшие вскинулись при нашем появлении. Как будто им есть что скрывать. А потом хоп – и смылись.

– Не жил ты с такой матерью как Белоусова, – сказал Илюшин таким тоном, словно сам провел в многодетной семье все детство.

– Поясни!

– Они испугались, что она привела в дом потенциального хахаля.

– Двоих, что ли, сразу? – не поверил Сергей.

– Зачем! Одного. Но с дружкой. Они и вышли нам навстречу как самые старшие. Разведывательный отряд. Убедились, что от нас не исходит никакой угрозы, и исчезли. Сестра и ее судьба их не волнует. Они не имеют отношения к ее побегу, иначе дождались бы конца разговора.

Сыщики отъехали от дома. Визит к Белоусовым произвел на Бабкина тягостное впечатление. Некоторое время он молчал, изредка сверяясь с навигатором.

– Слушай, на кой черт она столько детей нарожала? – не выдержал он, когда до интерната оставалось десять минут.

– Понятия не имею. Какая разница?

– Просто интересно...

– Старших она по-своему любила и даже заботилась, – сказал Макар. – А потом устала. Надоели.

– Да как такое может быть!

– Ты как будто в первый раз видишь семью, где взрослым начхать на собственных отпрысков.

– Но не с таким же количеством детей!

Илюшин пожал плечами:

– Она глупая эгоистичная женщина. Неужели ты до сих пор считал, дожив до седины, что в многодетных семьях чадолюбие – это основная причина для рождения детей?

– Ну почему же, еще религиозность...

– Людмила семь раз рожала от каких-то типов, от которых не видит теперь ни денег, ни заботы. От первого мужа троих, от второго двоих, и потом ещё по разу. Эта нехитрая арифметика тебе ничего не подсказывает?

– Ну разъясни, раз ты такой умный. – Бабкин начал кипятиться. Илюшин с его чувством собственного превосходства по-прежнему был единственным человеком, способным вывести Сергея из себя за считанные минуты.

Но Макар не стал ничего разъяснять.

– Я у Белоусовых часы забыл, – невозмутимо сказал он.

Бабкин присвистнул.

– Как ты ухитрился?

Илюшин носил «умные часы», сопряженные с его смартфоном. Они следили за пульсом на тренировках, будили его, позволяли отвечать на звонки, записывать голосовые сообщения и имели еще бездну функций, необходимость которых Бабкин никогда не мог понять. У него самого часы были механические, еще дедовы, когда-то торжественно врученные ему на восемнадцатилетие. Их металлический браслет сейчас приятно холодил запястье.

– Сейчас найду разворот...

– Не надо, потом заедем, – по-прежнему спокойно сказал Макар.

Сергей хотел поинтересоваться, откуда напарник знает, где именно потерял часы, и вдруг сообразил причину его невозмутимости.

– Ты что, нарочно их там сбросил? Обалдел? Их же приберет к рукам эта семейка...

– Не приберет. С телефона можно включить поиск, и старшие дети должны об этом знать. С минуты на минуту кто-нибудь позвонит и скажет, чтобы мы возвращались.

Бабкин поразмыслил.

– Хочешь осмотреть дом или с кем-то поговорить?

– С младшим из братьев.

– С тем, который прятался за дверью?

– Ага. Они с Дашей от одного отца. Выглядит не так, как остальные, и ведет себя иначе. Вот его-то наш визит как раз

очень заинтересовал.

– Ладно, перекинемся с ним парой слов. – Бабкин вырулил на парковку неподалеку от интерната. – Если только он сам горит таким желанием. А то вернемся, и нам снова будут лить в уши, как тяжело воспитывать семерых засранцев.

Желто-белое пятиэтажное здание интерната выглядело чистым и даже уютным. Он ожидал худшего. На клумбах перед крыльцом клонились под ветром какие-то нежно-лиловые пушистые метелки.

Им навстречу вышел охранник. Макар предъявил лицензию, и решетчатая калитка без скрипа распахнулась.

Бабкин в очередной раз подивился силе воздействия официальных документов на умы. Лицензия частных детективов не давала им никаких дополнительных прав. С этой точки зрения она ничем не отличалась от справки об отсутствии венерических заболеваний. Но справка не помогла бы им проникнуть в интернат, а лицензия заставила охранника открыть перед ними дверь без всяких расспросов.

В корпусе пахло свежей краской. Бабкин ожидал, что интернат будет пустовать, но из правого крыла доносились детские голоса и где-то гулко стучал мяч. Илюшин скрылся за внушительной дверью с табличкой «Директор Е. М. Славникова» и вскоре вышел.

– Приятно иметь дело с толковыми людьми! Нам нужна Любовь Антоновна Степашина. Третий этаж, тридцать первый кабинет.

Любовь Антоновна оказалась сухой желчной женщиной с ежиком седых волос. Пальцы с коротко остриженными ногтями, как у врача. Кисетные складки возле губ.

Он предвидел сложности со свидетельницей, но в дело вступил Макар, и вскоре Степашина даже снизошла до полуулыбки. Илюшин умел казаться *безопасным*. Сергей не мог удержаться от внутренней ухмылки: а ведь она наверняка считает себя проницательной!

Макар, естественно, соврал. Глядя чистосердечно и ясно, он заверил, что они действуют в интересах полиции, которая своими силами не справляется с поиском всех пропавших.

– Свидетели видели Дашу живой и здоровой, поэтому все-ррез заниматься расследованием никто не будет. В конце концов, она совершеннолетняя. Но мы ведь с вами взрослые люди...

Он замолчал и с убедительным видом развел руками. Это выглядело так, словно Илюшин обозначает величину проблем, которые могут ждать Дарью Белоусову.

– Я готова вам помочь, только не понимаю, почему вы ко мне обратились. Даша окончила наш интернат год назад.

– С тех пор вы ее не видели?

– Отчего же, видела. Она забегала где-то раз в пару месяцев... Но не подумайте, что я знала, как обстоят у нее дела. Даша очень мало рассказывала о себе. Она вообще не любит откровенничать.

– Зачем же она заходила?

– Во-первых, я лщу себя надеждой, что она скучала по мне. – Степашина усмехнулась, словно говоря, что не стоит принимать ее слова всерьез. – Во-вторых, выпускники часто заглядывают. Даша была намного самостоятельнее прочих, у нее семья, а большинство наших воспитанников – это сироты... Но любому нужно место, где с порога принимают как своего. Мы давали ей возможность побыть ребенком. Для таких детей, как Даша, вынужденных рано взрослеть, это настоящая отдушина.

– Какой она вам кажется? – спросил Макар. – Я имею в виду характер.

– Упрямой. Себе на уме. Замкнутой и имеющей обо всем собственное мнение. Академические способности отличные: с учебой у нее не возникало никаких сложностей. Выраженной одаренности, пристрастия к чему-то я не замечала. Хотя нет, пожалуй, в секцию бокса она с удовольствием ходила...

– Бокс?

– А что вас удивляет? Ей же надо было научиться как-то себя защищать. Да и выбор у нас не так чтоб богатый, что есть – тому и рады.

– Как Даша оказалась в интернате?

Степашина раздвинула губы в неприятной улыбке.

– Стараниями своей матери, разумеется. Вы не представляете, сколько стен прошибла эта женщина, пока не добилась желаемого.

– Людмила хотела избавиться от дочери? Почему? Вы описываете ее как совершенно нормальную девочку...

– Боже мой, да именно поэтому! Потому что Даша была совершенно нормальной девочкой!

Макар озадаченно помолчал.

– Нет, я не понимаю, – признался он.

– Ох, ну как вам объяснить... Из всех детей в ее семье Даша – самый беспроблемный ребенок. Даже с младшей в детском саду не справляются, как я слышала, и Люда уже вынуждена была перевести ее в другое место. А за Дашей не нужно было приглядывать, ловить за руку на воровстве, возвращать вещи в магазины... Она не дралась, не курила, не била окна в школе, не сбегала из дома, не связывалась с парнями вдвое старше. Это в итоге сыграло с ней злую шутку. Ее мать всегда была поглощена теми отпрысками, которые доставляли окружающим неприятности. А Даша не доставляла. На нее не нужно было эмоционально тратить. Это проклятие благополучных средних детей. Со старшими матери адаптируются к родительству, с младшими носятся как с писаной торбой. А средним – успешным, неглупым, способным – достается по остаточному принципу.

– Вы хотите сказать, Людмила свою дочь не любила? – вмешался Бабкин.

– Я хочу сказать, она ее не замечала, – отрезала Степашина. – А ума и сердца на то, чтобы понять, что это хороший добрый ребенок, которому нужно столько же внимания,

сколько и ее старшим засранцам, Людмиле не хватило!

Она спохватилась и охнула:

– Простите! Я не должна была так говорить, это крайне непрофессионально.

– Вы знакомы с Людмилой, да? – спросил Макар.

Бабкину показалось, Степашина смутилась.

– Мы вместе учились. Не хочу злословить... – Было видно, что именно этого ей и хочется, и Илюшин понимающе закивал, подбадривая ее. – Но она всегда была мастером сваливать свои обязанности на самых, на первый взгляд, неподходящих для этого людей. – Женщина криво усмехнулась. – Но ведь работает! Я не удивлена, что Даша не захотела тащить на себе весь этот воз. Людмила считала, что вырастила домработницу, громоотвод и няньку.

– Громоотвод – для старших?

– Именно так. Они агрессивные, вспыльчивые. Олег как-то раз выкинул из окна электронное пианино, на котором играла младшая девочка и мешала ему спать, – подарок от администрации, между прочим. Людмила устранилась от конфликтов детей, и всем этим должна была заниматься Даша. Нет, я не удивлена ее побегу, – повторила она.

– Вы знаете, чего Даша хотела?

– Я знаю, чего она *не* хотела. Она не собиралась жить вместе со своим семейством. Не ровен час, вернется кто-нибудь из папаш... – Степашина закатила глаза. – Или Люда приведет нового. Она всегда пользовалась большой популярно-

стью у мужчин определенного склада.

Бабкин заподозрил, что мужчины определенного склада пользовались популярностью у самой Степашиной, и в этом отчасти заключается причина ее антипатии к Белоусовой-старшей.

– У Даши не было депрессии? – спросил Макар.

Степашина удивилась:

– Нет, ничего подобного. Конечно, когда она никуда не поступила и болталась с дрянной компанией, вряд ли это было весело...

– Подождите, а химико-технологический?

– Какой еще технологический! Не собиралась она там учиться! Это была идея Люды, она надеялась, что Даша через три-четыре года начнет работать, а деньги отдавать ей. У нее идея-фикс: сначала она содержала детей, теперь выросшие дети будут ее обеспечивать.

– И как, со старшими сработало? – поинтересовался Макар.

Степашина сухо рассмеялась:

– Нет, но Люда не теряет надежды. В чем ей не откажешь, так это в оптимизме.

– То есть Даша врала матери, что уезжает на учебу, а сама проводила время со своей компанией... – подытожил Макар. – Любовь Антоновна, вы знаете кого-нибудь из них?

Степашина замялась.

– Знаю, – неохотно сказала она наконец. – Но у вас ничего

не выйдет. С тех пор, как Даша уехала, двое из этой шайки сели, одного убили, а четвертый где-то прячется. Зовут его Михаил Баридзеев, он у них был за старшего. Вы его не найдете. Он сбежал из города еще в ноябре.

Михаил Баридзеев сбежал не из города, а из страны. Бабкин выяснил это, заглянув в местное отделение. Много лет проработав оперативником, он легко находил язык с коллегами. К тому же здесь отыскался его давний знакомый, который ввел Сергея в курс дела.

Тридцатидвухлетний Баридзеев возглавлял преступную группу. Бывший спортсмен и предприниматель, официально занимавшийся торговлей подержанными автомобилями, а неофициально перепродажей краденого, он не был никому особо известен, пока не предпринял попытку отжать чужой бизнес. Это было сделано грубо, нагло и жестоко. Баридзеев захватил владельца местного шиномонтажа, вывез в лесополосу, и там несчастный подписал все документы.

– Я думал, такие финты остались в девяностых, – сказал удивленный Бабкин.

– Мы тоже так считали, – кивнул его собеседник. – Этот мужик, владелец, когда вернулся, сразу кинулся к нам. Взять Баридзеева за яйца вроде бы ничего не мешало, но тут как-то все странно поехало... То один из наших уволился и при передаче дела потерялись документы, то мужик вдруг решил отказаться от своих слов, причем без всякого давления. Ко-

роче, непонятная история. В конце концов Баридзеев вышел сухим из воды, осмелел и принялся куролесить. Набрал себе команду из шести человек. Они угоняли и продавали тачки. Обнаглели до того, что пару раз выкидывали водил прямо из машин. За год Баридзеев вырос из мелкого ловчи́лы во вполне серьезного бандита. До сих пор не понимаю толком, как ему это удалось! Он должен был сесть еще в сентябре прошлого года. Ну, ходили какие-то нелепые слухи... Я тебе их даже повторять не буду – такая пурга! А потом разом все закончилось. Словно ему очень долго везло, а тут удача – бац – и накрылась медным тазом. Двоих его корешей мы взяли, причем по серьезным статьям: нападение и похищение. Суды прошли как по маслу. Еще одного подельника грохнули в порядке устрашения, и Баридзеев смылся от греха подальше из страны. Я слышал, он теперь где-то в Узбекистане.

– Про его девушку тебе ничего не известно? – спросил Сергей.

– Да он баб менял каждую неделю, – рассмеялся оперативник.

– А что насчет Даши Белоусовой?

Ухмылку с лица как ластиком стерло.

– Сказки это все, – неохотно пробормотал он. – Не по моей части, извини.

Бабкин вернулся к Макару, ожидавшему на скамейке в тени, и передал их разговор.

– Имя Белоусовой ему знакомо, – закончил он. – Он что-

то знает об их с Баридзеевым отношениях, но не хочет говорить. Выглядит это странно.

Они вышли на теплую, пропахшую бензином площадь и направились к машине. У Илюшина зазвонил телефон.

– Вы – частный детектив? – спросил ломкий подростковый голос в трубке. – Вы у нас кое-что забыли.

Мальчишка ждал их на дороге перед домом. Когда Бабкин сбавил скорость, тот быстро подбежал, распахнул дверцу и угрем скользнул на заднее сиденье.

– Езжай давай, не тормози! – прошипел он.

Когда улица осталась позади, парень постучал Илюшина по плечу и протянул часы:

– Твое, кажись. На столе оставил.

– Спасибо. – Макар застегнул браслет. – Ты – Павел, да?

– Ага. – Он держался настороженно, но без страха. – Вас Баридзе нанял, а? Вы моей матери лапшу навешали на уши?

– Про Баридзеева мы сегодня услышали впервые в жизни, – сказал Бабкин, не оборачиваясь. Чутье подсказывало, что завоевать доверие этого пацана очень важно. – Нас наняли люди, которые почему-то хотели убить твою сестру. У них ничего не получилось, она сбежала. Нас использовали втемную, нам это очень не понравилось, поэтому мы ищем ее, чтобы добраться до них. Я не слишком сложно излагаю?

Мальчишка побледнел. Но откровенность Бабкина сделала свое дело.

– Меня в тачках укачивает, – пробормотал Павел, и Сер-

гей понял, что ему поверили. – Можем где-нибудь встать? Вообще-то тут «Макдоналдс» неподалеку...

Они купили ему чизбургер, картошку фри, большую колу и молочный коктейль. Бабкин считал, что коктейль – это лишнее, особенно учитывая размеры порции картошки, но Илюшин сказал, что детей нужно подкупать сладостями, так поступают все порядочные мерзавцы. Припарковались в тихом месте, в глубине дворов. Павел явно не хотел попадаться на глаза знакомым.

– Если закапаешь соусом сиденье, будешь языком вылизывать, – предупредил Сергей.

Он интуитивно выбирал верную интонацию: мальчишка, кажется, даже обрадовался этой угрозе. Расстелил салфетки на коленях и принялся медленно, с удовольствием смаковать картошку, запивая ее коктейлем.

«Да ведь ему этот фастфуд достается раз в год по большим праздникам», – сообразил Бабкин.

Павел съел все до последнего кусочка и аккуратно сложил мусор в бумажный пакет. Вытер губы салфеткой.

– Наши ничего про Дашку не знают. Вообще никто не знает. Баридзе от всех ее скрывал. Даже его приятели думали, что он малость крышей съехал.

– Чего именно не знают? – спросил Илюшин.

– Она – талисман, – сказал ее брат.

И неожиданно просиял широкой солнечной улыбкой.

Следующие полчаса сыщики слушали его, время от вре-

мении недоверчиво переглядываясь.

Паша утверждал, что его сестра приносит удачу.

– Я это давно заметил, еще когда мы в «вышибалы» бились, совсем мелкими. На чьей стороне Дашка, те выиграют. Железно! Потом проверил на футболе. Дашка футбольного мяча боится до усеру! Визжит и драпает. Я ее уболтал поиграть за одну команду... Ну, полные слабаки! Так они всех сделали. Единственный раз выиграла на поле! А еще когда она в интернат поступила, его собирались разгонять. Мать ругалась, что они и двух лет не протянут. Их кто-то хотел выкупить и отель на этом месте забабахать. А как Дашка стала у них учиться – все, хана отелю!

– Слушай, это еще ни о чем не говорит... – начал Сергей.

– Да? – Паша скептически прищурился. – А как вам такое: она однажды на спор ходила по крыше пятиэтажки и свалилась. С самого края! Это две ее подружки видали, можете у них спросить! Ленка так орала от страха, что потом три дня есть не могла, горло драло. Дашка полетела вниз и бухнулась прямо на дерево. Две царапины и трещина в ребре! И все! – Он постучал себя по грудной клетке. – Матери соврала, что с велосипеда упала! Но у нас все об этом знали, потому что Ленка с Катькой растрепали, хотя Дашка им запретила. А приют этот? А? Вы насчет приюта в курсе?

– Твоя мама сказала, что Даша проводила там много времени.

– Ага! Только она не сказала, что там соседи дважды тра-

вили всех собак, чтобы не лаяли и не мешали. А когда Даша стала у них тусоваться, все прекратилось. И больные собаки выздоровели.

– И шерсть у них заколосилась, – поддакнул Бабкин.

Ему не жаль было денег на гамбургер и коктейль, но поощрять этот полет фантазии он не собирался.

Паша снисходительно усмехнулся. Они с сестрой были похожи: светловолосые, курносые, с неуловимо одинаковым выражением настороженности в голубых глазах. Но мальчишка выглядел простоватым. Легко было представить его где-нибудь в деревне, загорелого и ловкого, пасущего местное стадо и пощелкивающего кнутом.

– Вы Баридзе за дурака не держите, – по-взрослому сказал Паша. – Миша один понял, как можно Дашку использовать. Он поверил, что она талисман. Везде ее с собой таскал, денег ей совал, она их матери отдавала – типа, с зарплаты официантки. – Он презрительно скривил губы. – Ага, как же! Она ни дня не работала. Он ее берег как принцессу. Пока она была при нем, у него дела в такую гору пошли, что он запросто министром мог бы стать, если бы захотел! Ни один план не сорвался, и ни один мент его за задницу взять не мог, пока Дашка была в его банде. Только она ничего плохого не делала, – спохватился он. – Сдадите меня мусорам – я скажу, вы гоните. Ясно вам?

– И почему же тогда Баридзеев сейчас прячется в Узбекистане, с такой-то удачей? – поинтересовался Сергей.

– А его подельники кто сидит, кто в могиле, – добавил Макар.

Паша фыркнул.

– Ну вы, дяди, мыслители! У Миши с его бандой вся халва закончилась, как только Дашка от них сбежала. Она в Москву смылась, бросила их. К ней люди пришли с хорошим предложением, выгодным. Она мне обещала, что и меня из нашей дыры вытащит. Баридзе кинулся ее искать, но эти чуваки ее хорошо спрятали. Он пару раз меня подловил у школы...

– Тебя подловил? – недоверчиво переспросил Сергей.

– Ага. На «Гелике» своем. Деньги мне совал, обещал хату на меня переписать, если я сдам, где Дашка... – Он скривился. – Совсем одурел. Даже если бы я знал, я бы не сказал.

– А к другим членам твоей семьи он тоже подкатывал? К матери? К старшим?

– Не-а. Им от Дашки только деньги нужны, и чтобы жратву на стол вовремя подавала. Больше ничего. У нас дома, если ты не орешь громче всех, тебя как бы и нету. Мы с ней – пустое место!

Он снова широко улыбнулся. Непохоже, чтобы это положение его огорчало.

– Слушай! – Бабкин подался к нему. В конце концов, пацан мог чистосердечно заблуждаться, но верно излагать факты. – Даша хоть словом, хоть намеком тебе обмолвилась, что это были за люди, которые приехали и забрали ее в Москву?

Паша покачал головой.

– Это важно, – подал голос Макар. – Что-то произошло между ними и твоей сестрой, и они решили ее убить. Одну девушку уже убили – по ошибке, вместо нее. Рано или поздно доберутся и до Даши. Вспомни все, что можешь!

По губам парня скользнула кривая ухмылка.

– Я вам столько про Дашку рассказал, а вы ничего не усвоили! Она умная, ясно? Если бы я что-то знал, из меня могли бы это вытащить. Не по-доброму, так по-плохому! А когда вообще ничего не знаешь, то и спросу с человека нет никакого.

Он говорил так уверенно, что Бабкин ему поверил.

«Девчонка встречалась с этим бандитом, а младшему братику, чтобы не портить картину мира, наврала про удачу и прочее. Сбежала от Баридзеева, когда тот стал зарываться, потому что сообразила, что убить могут их обоих, и его, и подружку, не разбирая. Но кого она выбрала в качестве спасительного «поезда»? И если это те же люди, которые приходили к нам, как она ухитрилась перейти им дорогу?»

– Запиши, как со мной связаться. – Он продиктовал парню свой номер телефона. – Если Даша появится, передай ей все, о чем мы с тобой говорили.

– Ладно! Меня подвозить не надо, я отсюда сам дойду. Мусор давайте, выкину по дороге...

– Подожди! – Илюшин придержал Павла за рукав. – А от кого ты прятался, когда сел в машину? Не хотел, чтобы твоя

семья тебя видела?

– Не, не от них! Какая мне разница! Пусть думают, что хотят. Просто какой-то чувак вчера шатался вокруг, следил за домом.

– Что еще за чувак? – насторожился Сергей.

Паша добросовестно попытался описать внешность следившего, но кроме «ну, такой, обычный вроде» им ничего не удалось из него выжать. Наконец Илюшина осенило:

– Посмотри-ка на фото. Не этот?

Первый снимок парень отложил, не разглядывая, над вторым задумался.

– Вроде этот...

– Вроде или этот?

– Похож! Я его издалека видел, из окна. Кажется, он! Я еще подумал, может, Ингу ждет... А она вышла – и он сразу в кусты нырнул. Да, точно, этот самый парень! А вы чего, знаете его, что ли?

Сыщики помолчали.

– Знаем, – наконец сказал Бабкин.

Это была не фотография, а распечатка скрина с записи камеры над подъездом Илюшина. С нее смотрел коротко обритый тонкогубый парень – фальшивый брат Даши, называвший себя Максимом Белоусовым.

Глава 3

Кличка собаки была Буран. Совсем глупый пес, но веселый и не злой: если и лез кусаться, то по игривости. Даша прицепила карабин к ошейнику и вывела его из вольера.

Вокруг перегавкивались обитатели клеток. В собачьих приютах всегда шумно. В этом содержалось всего тридцать животных, если не считать двух приبلудных котов. Даше доводилось бывать в таких, где постоянно жило четыре с лишним сотни псов. Лай там не замолкал ни на секунду ни днем, ни ночью.

Даша миновала вольер, в котором ветеринар занимался со свежеприбывшим пациентом, помахала издалека таджику-разнорабочему, смуглому тщедушному человеку без возраста, у которого самый озверевший пес становился ручным, и вышла за ворота.

На душе было тошно. Хоть становись рядом с Бураном на корточки и начинай выть.

«В чем я виновата, в чем? – ожесточенно спросила Даша, обращаясь неизвестно к кому. – Я, что ли, ее убила? Я привела ее на это крыльцо?»

Да, не приводила и не убивала, но вызвалась помочь с проклятой футболкой. Теперь живая Даша ведет собаку прогуляться в перелесок, а мертвая Вика лежит в морге.

На нее накатила слабость. Даша отошла к обочине, потя-

нула за собой недоумевающего пса и опустилась в пыльную траву, иссушенную июльским солнцем.

– Ложись, Буран, ложись.

Сунула ему кусочек сыра, и дурачок понял, что от него требуется. Повалился на косматый бок, обмахивался хвостом: выпрашивал еще.

Общение с собаками всегда ее успокаивало. Псы, в отличие от людей, предсказуемы. Даша запомнила свое потрясение, когда мать привела ее, большую уже девицу, в интернат, и только перед входом сообщила, что в сумке, оказывается, белье и вещи. Что, оказывается, ее дочери предстоит здесь жить.

У Даши было тринадцать лет, чтобы привыкнуть к сюрпризам матери. Но в то утро она оцепенела. Не могла сделать ни шагу. Людмила не предупредила ее, не подготовила, бросила во двор интерната, как в прорубь, и спортивную сумку швырнула сверху – спасайся, милая, как хочешь! Видимо, мать по ее лицу поняла, что в душе дочери творится что-то нехорошее, и совершила то же, что и всегда: сбежала. Чмокнула Дашу в лобик, развернулась и зацокала каблукками.

Если бы не наступившее ее оцепенение, Даша удрала бы не задумываясь. Но ее пригвоздило к месту. В первые минуты, когда она толком не поняла, что случилось, ей почудилось, будто мать привела ее сюда насовсем. Детей в семье Белосовых слишком много, Даша слышала об этом отовсюду, и что удивительного, если мать пожелала избавиться от одно-

го рта!

У нее, наверное, сердце разорвалось бы от горя. Если бы не Степашина. Даша, конечно, тогда еще понятия не имела, кто это такая. Просто к ней спустилась со ступенек высохшая, точно хвощ, рыжеватая тетка и внезапно улыбнулась. Было это странно и даже пугающе. Даша жила в мире, где взрослые редко ей улыбались.

– Ты Даша Белоусова? – спросила тетка. – Здравствуй. Меня зовут Любовь Антоновна, я твоя учительница. С остальными ты позже познакомишься. Пойдем, я покажу тебе комнату, в которой ты будешь жить, и расскажу, какие тут у нас порядки.

Даша не двинулась, и тогда Степашина сама подхватила сумку, лежавшую у ног девочки, и положила руку ей на плечо.

От прикосновения Даша вздрогнула.

– На выходные сможешь вернуться к семье, – сказала учительница. – Но если захочешь остаться, предупреди за пару дней. Это нужно для столовой.

«Остаться?» Это было первое слово, пробившее Дашино оцепенение. Да кто в своем уме будет здесь оставаться?!

Пару месяцев спустя, совершенно освоившись на новом месте, она проводила в интернате одни выходные в месяц. Оставалась бы и больше, но очень уж жалела Пашку. Нельзя бросать его одного с этой сворой. Даша пыталась и для

брата выбить место в интернате, даже у директрисы рыдала в кабинете. Та развела руками: извини, на освободившиеся места берем в первую очередь сирот. Для семьи Белоусовых уже однажды сделали исключение. Администрация города вникла в положение несчастной матери-одиночки, которая тащит многочисленных детей, и пошла навстречу. Но второй раз ничего не получится.

С возрастом Даша стала понимать, какую роль в ее судьбе сыграл интернат. Старшие братья и сестра свирепели с каждым месяцем, срывались на всех подряд. Олег пару раз сжигал ее школьные тетради. От Вадима она шарахалась: пройдешь слишком близко – получишь тычок под ребра. Бил он вслепую, не разбирая, просто от избытка дурной силы. Однажды, вывалившись из комнаты с побелевшими глазами, щелкнул зажигалкой под Дашиной косой. Волосы вспыхнули мгновенно, и, если бы не реакция Пашки, ходить ей обгоревшей. Мелкий схватил с подоконника банку с отстоянной водой для цветов и выплеснул на сестру. Вадим хохотал как безумный. На крики выскочили Инга с Олегом и сползли на пол от смеха. Ржали как гиены, не могли успокоиться. Дашу трясло.

Трое старших постоянно проводили время вместе, и если не курили всякую дрянь, то нюхали. Формально у девочек была своя комната, а у мальчиков своя, но спальню мальчишек оккупировали Инга, Олег и Вадим. Заходить к ним было запрещено. Когда Пашка пожаловался матери, то получил

от нее подзатыльник: сам разбирайся.

В конце концов Пашка с Дашей устроили себе нору в чулане. Разгребли завалы барахла – на это ушло три полных дня, – часть выкинули по собственному усмотрению, ни с кем не советуясь, а оставшееся переложили, чтобы занимало меньше места. Маленькое окошко под потолком отмыли, Даша из старой выцветшей юбки на скорую руку сметала занавеску, подвесила ее на леску. На подоконник поставили елочную игрушку – серебристую ракету с надписью «Восток-1». Даша узнала, что на такой летал в космос Гагарин, и подарила Пашке на Новый год. Дороже этой ракеты у Пашки ничего не было. Утащили с кровати матрасы и стали спать на полу. Душно, конечно, и тесно... Но в тысячу раз лучше, чем в общих спальнях! Мать даже не заметила ничего: она в этот чулан сто лет не заглядывала.

После того как Вадим поджег ей волосы, Даша коротко постриглась. И следила, чтобы у Пашки волосы не отрастали. К Светке старшие не приставали. Девочка-дурочка, что с нее взять! Носится как подорванная. Если тронуть, визжит и кусается. Жрет листья и траву, рот вечно выпачкан землей... Однажды Олег двинул ей сгоряча по шее, и в отместку получил дурно пахнущую кучу на своей кровати. Орал до хрипоты и поклялся, что вываляет дуру мордой в ее же собственном дерьме. Но Светка проявила неожиданную предусмотрительность и следующие две ночи провела на чердаке, прячась при каждом появлении старших. На чердаке можно

и ногу сломать, и шею, так что в конце концов от нее отстали. Нет, за Светку не стоит бояться...

А Иришка тогда была совсем еще мелюзгой. Висела на матери, как мартышка.

Для развлечений оставались они с Пашкой. Отчего-то Инга, Олег и Вадим не выносили их двоих. Ревностью этого не объяснить: мать кудахтала и носилась со старшими, как курица с цыплятами.

«Чем-то мы их бесим», – сказал однажды Пашка.

«Не мы, а я, – поправила Даша. – Ты идешь в довесок».

И правда: когда мать спланировала ее в интернат, Пашке жить стало легче. Он как будто перестал существовать для старших. К тому же теперь в его распоряжении был целый чулан!

Даша сидела на обочине в соломенно-желтой траве, кое-где голубевшей цикорием, и проговаривала про себя свои удачи. Это очень важно – не забывать, в чем тебе повезло.

Попала в интернат – это раз. То, что мнилось наказанием и бедой, обернулось небывалым везением.

Эмиль Григорьевич взял в секцию и занимался, как с родной дочерью, – два.

Пашка – три. Мелкий, может, звезд с неба не хватает, зато хороший, добрый и любит ее. А могла бы жить в окружении сплошных говнюков, как старшие, или психов вроде Светки.

С Баридзеевым все закончилось – четыре. Даша в бога не верила, иначе весь лоб разбила бы в благодарность за его ми-

лости.

И от Егора удрала – пять.

Она вспомнила убитую Вику и до боли прикусила губу. Не ныть! Не хватало еще расклеиться.

Наконец, пункт шестой: смогла договориться о койке в собачьем приюте в обмен на неделю работы. Скоро придется искать что-то новое, но пока есть крыша над головой и кусок хлеба.

«В конце концов, – с горькой улыбкой сказала себе Даша, поднимаясь из травы и отряхиваясь, – я же везучая».

– Пошли, Буран.

Пес неохотно поднялся. Из густой нечесаной шерсти торчали травинки.

– Давай-давай, топай! Недалеко осталось.

Приютских псов водили гулять в лесок поблизости. Старые березы и тополя, поросль боярышника, в которой белел густой тополиный пух... Кое-где можно было отыскать скамейку с подгнившими от старости досками – свидетельство давних попыток облагородить лесок. От этих поползновений остались и две широкие аллеи, обсаженные липами.

Даша вышла на одну из них. Присела на корточки, вытащила у Бурана из воротника репейник. Выпрямилась.

Тут ее удача и кончилась.

Аллею перегораживал мужчина. Даша вспомнила его сразу. Она еще в ресторане обратила на него внимание. Даже когда сидел, было видно, какой он огромный. Под футболкой

бугрились мышцы, а двигался – Даша специально посмотрела ему вслед, когда он уходил, – мягко, словно кот. Таких громил Даша не встречала даже в их местной качалке, куда ее по доброте душевной три года назад согласился взять тренер по боксу, набиравший неблагополучных подростков в секцию. У нее было время насмотреться на местных качков. Но этот дал бы фору им всем. Громадный, бритый и рожа как у убийцы. Даша тогда сама не поняла, отчего ее так встревожил этот клиент: обслуживала его другая официантка, он быстро поел и сразу ушел, не задерживаясь. А все равно было беспокойно.

И вот теперь понятно отчего.

Буран, идиотина, замахал хвостом.

– Не бойся, Даша, – сказал убийца.

Она обернулась, готовясь бежать, и дернулась, как от выстрела. За спиной в двадцати шагах стоял парень с взлохмаченными русыми волосами и с улыбкой смотрел на нее. Руки на виду, не в карманах, но отчего-то Даша с невыносимой ясностью представила, что именно этот улыбчивый светлый юноша полоснет ее бритвой, возникшей из ниоткуда в пальцах.

«Давид и Голиаф», – некстати вылезло в памяти. Любовь Антоновна в интернате штудировала с ними древнегреческие легенды целый год, даже в музей водила смотреть скучнейшие картины.

– Давай сразу определимся: мы хотим только погово-

ритель, – мягко сказал парень.

Он не двигался с места. Даша в панике бросила взгляд через плечо, но Голиаф не сделал ни шагу.

Она наклонилась к ошейнику Бурана, как будто для того, чтобы успокоить собаку, и незаметно отстегнула карабин.

– Твои бывшие приятели хотят тебя убить, а мы с моим другом в этом не заинтересованы, – продолжал парень. – Пожалуйста, давай где-нибудь здесь присядем и побеседуем. Мы, кстати, частные...

Даша рванула с места. Она мчалась напролом через лесок, не разбирая дороги и надеясь, что не споткнется. Обрадованный Буран несся рядом – решил, дурачок, что это такая игра.

Если бы он остался пристегнутым, давно запутался бы поводком в кустах. Даша бежала, не оборачиваясь, в сторону, противоположную приюту. В километре отсюда, сразу за границей леса есть парковка, а за ней – торговый центр. Там люди, и эти двое не посмеют на нее напасть среди толпы.

Сбоку вспорхнула птица. Буран, будто перепуганный конь, шарахнулся влево – точнехонько ей под ноги. Даша перелетела через собачий круп и покатилась кувырком. Ударилась бедром об острый пенек, вскрикнула – и ощутила, как ее скидывает в воздух огромная сила.

– Ты ж так убьешься, – проворчал Голиаф. Он поставил ее на ноги и крепкими пальцами пробежал по ней сверху вниз, словно проверял клавиши аккордеона. На Бурана, су-

нувшегося под руку, цыкнул, и пес внезапно проявил сообразительность, плюхнулся невдалеке.

Даша стояла замерев и тяжело дышала.

– Кости целы, – подытожил Голиаф.

Выпустил ее, отошел в сторону, сел на поваленное дерево и закурил.

– Для протокола: я это осуждаю, – невозмутимо сказали за спиной у Даши.

От неожиданности она чуть не заорала. «Давид» стоял на краю невысокого склона, с которого она так позорно полетела, и качал головой. Парень прошел мимо нее, будто не заметив, и остановился возле своего приятеля-гиганта.

– Учти, Маше врать не стану.

– Маше я и сам врать не стану, – буркнул тот в ответ. – За кого ты меня принимаешь!

– Тогда дай закурить.

– Перебьешься!

Даша в изумлении наблюдала за этими двумя, словно забывшими про нее. Буран, тяжело дыша, повалился на бок. Она осторожно приблизилась к нему, присела на корточки и пристегнула поводок к ошейнику. Слава богу, что пес не удрал, испугавшись погони.

– Даша, вы не сильно ушиблись? – Парень обернулся к ней. – Извините, мы не хотели вас напугать.

– А что вы хотели?

– Поговорить, – удивленно отозвался он. – Я же вам сразу

сказал.

Ну да, сказал. Только Даша не идиотка.

– Как вы меня нашли? – выдавила она.

Болело ушибленное бедро, и Даша поняла, что далеко она не убежит. К тому же, если бы ее хотели убить, уже убили бы.

– Мы знали, что у вас есть несколько навыков, – с готовностью объяснил парень. – Скажем, вы можете работать официанткой. Я, правда, ставил на то, что после случившегося в «Корове и дубе» вы побоитесь приближаться к заведениям общепита. Тогда мы вспомнили о вашей подготовке в качестве танцовщицы стриптиза. Обошли дюжину ночных клубов, но выяснилось, что у них довольно высокие требования к подготовке девушек. Вряд ли вы успели многому научиться за пару месяцев.

Даша уставилась на него:

– Вы и об этом знаете?

– Тогда мы стали думать, к чему у вас есть склонности, – спокойно продолжал парень, будто не слыша. – Ваша мать сказала, что вы при любой возможности убегали в приют для собак. А ваш псевдобрат – кстати, кто он такой? – упомянул, что вы перечисляли на бездомных псов карманные деньги.

– Псевдобрат?

– Бритый, худой, тонкогубый, – вступил здоровяк. – Грабли как лопаты.

– А тучи как люди, – фыркнул его приятель. – Сергей хотел сказать, что у юноши, который притворялся вашим братом

том, а после вашего побега следил за домом в Твери, очень крупные ладони.

Она ахнула и вскочила:

– Следил за домом? У них все в порядке?..

– Абсолютно. Его заметил ваш младший брат. Но после вашей «гибели» слежку, естественно, сняли. Мы не знаем, как скоро они обнаружат, что вы на самом деле живы. Может быть, так и останутся в заблуждении?

– Не останутся, – не удержалась Даша. – Вы не знаете этих уродов! Они все доводят до конца. – Она покусала губы и решила: – Слушайте, а кто вы вообще такие?

– Меня зовут Макар Илюшин, – представился парень. – Моего друга – Сергей Бабкин. Мы – те самые люди, которые навели «этих уродов» на вас.

В конце концов Даша отвела Бурана обратно в приют и вернулась к этим двоим. Подойдя к машине – черный «БМВ» одной из последних моделей, очень подходивший своему огромному хозяину, – она увидела себя со стороны.

Что она делает?

Неужели и впрямь собирается сесть в чужую тачку к этим двоим? Ведь и трупа потом не отыщут...

Макар ждал снаружи. Даже дверь приоткрыл – галантный, сволочь! Даша никак не могла переварить то, что услышала от него. Это они сдали ее. Выследили и принесли на блюдечке.

Она молча забралась в салон. Хотела было спросить, куда они едут, но мысленно пожала плечами: какая разница?

Час спустя серебристый лифт вознес их над Садовым кольцом, и Даша, старавшаяся не показывать растерянности, оказалась в отдельном кабинете большого ресторана, под потолком которого плыли рыбы и парусники. Ее усадили на диван, принесли подушки и плед, хотя выглядела она пугало-пугалом: грязные джинсы, все в травяных пятнах, оставшихся после падения, и мятая застиранная футболка.

Даша в жизни не бывала в подобных заведениях. Но сыщики вполголоса заговорили о своих делах, будто забыв о ее присутствии, и понемногу она расслабилась. Тем более что закуски принесли вкуснейшие, а от глиняного чайника поднимался нежный фруктовый аромат.

– Это чай с личи, – сказал Макар.

Даша вдруг поняла, что проголодалась. В «Корове и дубе» персонал кормили, но сколько уже прошло с тех пор, как она убежала оттуда? Она сбилась со счета. Три или четыре дня... Все это время спасалась «Дошираком».

Салат, суп с морскими гадами, прозрачная лапша с креветками... Даша поглощала все с немислимой быстротой. Наевшись, едва не уснула прямо на диване, но тут принесли крепчайший кофе, густой, как нефть, от которого она разом проснулась.

– Даша, нам ничего не известно о людях, которые нас наняли. – Макар встал, проверил, нет ли кого-то за дверью, и

вернулся на место. – Мы до последнего считали, что это ваша семья, которая разыскивает пропавшую дочь. Вы знаете их настоящие имена?

– Мне неловко, когда вы мне выкаете.

– Ладно, давай на «ты», – покладисто согласился сыщик. – Так тебе известны имена?

– Мужчину зовут Егор Сотников, – помолчав, сказала Даша. – Женщину – Вера Загребина. Его паспорт я видела своими глазами, а она свои документы постоянно держала при себе, так что в ее имени я не уверена. Но все они звали ее Верой.

– Они? – переспросил Сергей.

– Егор, Петр и Максим. Максим – это младший. Он везде меня провожал – стерег. Петра я видела всего пару раз. – Даша невольно содрогнулась. – Он совсем какое-то животное...

– Вы действительно жили в одной квартире?

– Да. Когда они забрали меня из Твери, мы поселились вместе. Все, кроме Петра. Он заходил иногда. Обычно в то время, когда меня не было дома. Я по запаху определяла: он много курит и мало моется, после него в воздухе всегда воняет, как после бомжа.

– Зачем ты им понадобилась? – спросил Макар.

На лицах обоих сыщиков Даша прочла недоумение. Она взглянула на себя их глазами: замарашка, потрепанная нищая девчонка, ничего не умеющая, кроме как обслуживать

столики, ладить с собаками и неэротично расстегивать рубашку на плоской груди.

Можно было соврать. А потом отвлечь, вытащить у них деньги и сбежать. Поймать попутку, смыться в другой город, а там ищи-свищи! Хрен бы они ее отыскивали в третий раз.

То ли она устала бегать от всех, то ли было что-то в этих двоих, вызывающее доверие...

Даша неловко усмехнулась и ответила:

– Потому что я очень удачливая.

Михаил Баридзеев появился в ее жизни в сентябре.

Вышло так: Ярик Кошелев заявился к Дашке со своим приятелем Лешкой Майоровым и позвал кататься втроем. С кем-то другим Дашка не пошла бы. Знала она, чем заканчиваются такие покатушки! Но Кошель с Майором были свои, знакомые по интернату беззлобные раздолбаи. Верх стремлений – надыбать шмали, валяться на чердаке и дымить, пока не окосеешь. И чтобы работать не надо было. И деньги сами чтоб падали с потолка.

У Кошеля почти так и вышло. Смазливому Ярика взяла под опеку дальняя родственница, одинокая старая дева, растаявшая от его длинных ресниц и земляничного румянца. Поселила у себя, пристроила на непыльную работенку и дала ключи от своей «Тойоты».

На ней-то и прикатали за Дашкой Кошель и Майор. Довольные, как поросята, аж лоснятся. Тетка уехала отдыхать

на две недели! Тачка под задницей и свобода – что еще надо!

Дашка посмотрела на их счастливые рожи и сама засмеялась.

Ярик распахнул перед ней переднюю пассажирскую дверь.

– Поехали! Прокачу как королеву!

Может быть, Даша и отказалась бы. Но из дома мать заорала про недомытую посуду, и она змейкой юркнула в салон.

– Погнали, погнали!

Когда мать выскочила на улицу, возмущенно крича им вслед, «Тойота» уже скрылась за поворотом.

Сначала гоняли по тверским улицам. Но Даша это быстро пресекла. «Собьем еще какого-нибудь ханурика, на пять лет присядешь... Хочешь нормальной скорости – выезжай на трассу».

Кошель послушался, и уж там-то они и впрямь понеслись.

Машин было мало, Ярик лихо обгонял даже крутые тачки. Врубил рэп, открыли окна, орал в голос всякую чушь и хохотали.

Солнце било в глаза. Дашка положила голые ноги на торпеду, завернула шорты, чтобы ноги казались длиннее. Вся ее семейка осталась где-то позади, размылась, как деревья за окном. Все исчезло, кроме «Тойоты», летящей, как пуля.

А потом левая полоса, по которой обгоняли пенса на

«Хундае», вдруг оборвалась, и они оказались на встрече.

Даша так и не поняла, как это вышло. Она услышала крик и увидела громадный, словно китовья туша, капот перед их лобовым стеклом.

Дашу выдернуло из машины и отшвырнуло на какую-то гору. Когда она пришла в себя, оказалось, что она лежит на куче песка. На обочине велись строительные работы, и именно туда ее выбросило из машины.

В голове было гулко, как в пустом мусорном баке. Рот забит песком, по рукам течет что-то теплое – Даша не сразу поняла, что это ее кровь. И только заметив мучнистое от ужаса лицо водителя грузовика, осознала, что произошло.

Она долго не могла найти их машину. Разум отказывался верить, что груда металлического хлама под капотом большегруза и есть бывшая «Тойота».

А потом Даша увидела Ярика и Лешку.

История о подростках, попавших в жуткую аварию и оставшихся в живых, наделала в Твери много шума. Фотографии утекли в Сеть и были вначале объявлены фотошопом. Мало кто мог поверить, что после такой катастрофы можно уйти на своих двоих.

Правда, Ярик сломал запястье, а Майоров при падении выбил половину зубов. Даша сильно расцарапала руку. Но по сравнению с тем, что должно было их ожидать...

Позже специалисты объяснили это тем, что пассажиры

и водитель не были пристегнуты, а «Тойоту» в последний момент развернуло боком, прежде чем встречная машина сплющила ее в лепешку. С установкой лобового стекла произошел какой-то брак: оно вылетело от удара, как затычка, и всех троих выбросило следом за ним.

Исключительное стечение обстоятельств.

Про аварию говорили две недели. На Ярика и Лешку ходили смотреть как на живое чудо. Даша держалась в тени и вообще старалась изо всех сил скрыть тот факт, что она тоже была в машине. На ее счастье, остановившиеся после аварии водители снимали только двоих парней, вцепившихся друг в друга.

Так что и в этом ей повезло.

Любая новость живет две недели, а затем забывается, если не ворошить угли в этом костре.

Через три недели все окончательно стихло, и Даша успокоилась.

Через месяц к ней явился Баридзеев.

Из всех, кто читал об аварии, ахал, изумлялся, восхищался, перепроверял, убеждался и обсуждал феноменальное спасение с приятелями, он единственный выцелил Дашу Белоусову, – девушку, о которой почти нигде не упоминали, так как фигуры Кошеля и Майора заслонили ее полностью. Парни даже ухитрились дать пару интервью и попали на радио, где не смогли толком сказать ничего, что не было бы запикано в прямом эфире.

Баридзеев не был умным. Однако у него случались точные догадки, близкие к прозрениям, и одним из таких прозрений стала роль Даши в случившейся аварии.

Остальное было делом техники. С кем-то он поговорил сам, к кому-то отправил своих ребят... Из разрозненных фактов у него сложилась картина.

Он подловил Дашу, когда она вышла из продуктового магазина. Веско сказал: «Здравствуй, я Миша, надо поговорить», – и таким естественным заботливым жестом перехватил у нее тяжелые пакеты, словно они были давно знакомы.

Ему было около тридцати. Толстый, с черными бараньими кудрями над широким лбом, рыхлой кожей, приплюснутым носом и темными глазами навывкате, Баридзеев обладал своеобразным обаянием и харизмой человека, который на многое готов ради достижения своих целей. Он был, несмотря на полноту, даже элегантен в движениях. Родиться Миша опоздал: посмотрев «Крестного отца», Даша поняла, что Баридзеев идеально вписался бы в его кинематографический мир.

Чутье подсказало Мише, что спугнуть в почти буквальном смысле птицу удачи очень легко. Поэтому с самого начала он повел себя обходительно и аккуратно.

– Я знаю, что ты можешь, – сказал он Даше. Для разговора Баридзеев выбрал тихую кофейню с живыми цветами и ароматом выпечки. Все это выглядело безобидно и мило – почти так же, как смешной кудрявый толстяк напротив Даши. – Ты

– большая ценность, Даша. Я хочу предложить тебе сделку. Не отказывайся сразу, подумай.

Миша подготовился хорошо.

– Ты хочешь свалить из дома, – проникновенно говорил он. – Я готов тебя в этом поддержать. Но мне тоже нужна поддержка... Если мы поможем друг другу, оба станем сильнее. Тебе ведь не помешают друзья, которые заботятся о тебе, верно?

Даша довольно быстро поняла, что от нее требуется. Только она недооценила масштаб притязаний Баридзеева. Ей казалось, перед ней бизнесмен, крутящий сомнительные дела, которому никак не подвернется удачный случай. Планы у Баридзеева были наполеоновские, граничащие с безумием, но об этом Даша догадаться не могла.

– А если ничего не получится? – спросила она.

Странно было сидеть в кафе солнечным днем и обсуждать их сделку всерьез. Никто никогда не говорил с ней о ее способности, кроме Пашки. Но брату и в голову не приходило взглянуть на сестру с практической стороны. К тому же оба по умолчанию считали, что родиться в их семье – это такое вопиющее невезение, что никакой удачей его не поправить.

И вдруг оказалось, что ее особенность можно конвертировать в деньги.

– Давай так: мы с тобой заключим договор на полгода. – Баридзеев что-то нацарапал карандашом на салфетке. – Буду платить тебе каждый месяц, независимо от результатов. А

через полгода поглядим.

Он придвинул ей салфетку. Это тоже был жест, заимствованный из кинофильмов. Ничего не мешало Мише назвать число вслух.

Даша увидела сумму и подняла на него глаза. В уме она считала быстро. Ей предлагали деньги, из которых за год вполне можно было отложить на съем квартиры даже в Москве, не говоря о Твери.

Миша правильно понял выражение ее лица. Птичка попала в клетку.

– Слушай, а ты... как это сказать... ты прикладываешь какие-то усилия, чтобы все получилось? – хрипло спросил он. – От тебя что-то зависит?

Даша пожала плечами. Ничего подобного она никогда не делала, но интуитивно поняла, что не стоит открываться Баридзееву.

– Кое-что зависит, кое-что нет. – Она помолчала и спросила: – А что... чем я должна заниматься?

Так началось их сотрудничество.

В первые пару месяцев Миша только подсыпал крошки в клетку и приучал свою добычу к рукам. Дашу вывозили на безобидные встречи. Она сидела в машине Баридзеева, безумно скучая и дожидаясь, пока мужчины обсудят свои дела. Странными были разве что места для разговоров: заброшенные промзоны или мосты, под которыми гулял ветер... Баридзеева всерьез занимал вопрос, как велико «покрытие»

Дашиной везучести. Если они будут находиться в ста метрах от нее, она подействует? А если в ста пятидесяти?

Заработанные деньги Даша прятала на своем участке. Сначала тайник был устроен на чердаке, куда редко забирались старшие. Но, подумав, она решила перепрятать свои накопления. Полоумная Светка могла поджечь дом по глупости, старшие – нарочно. По ночам ей снилось, что конверт с купюрами вспыхивает и осыпается черным пеплом.

Чтобы оправдывать свои отлучки, матери она соврала, что устроилась официанткой в кафе на другом конце города. Платили наличными. Людмила забирала у дочери три четверти от зарплаты. Четвертую часть великодушно оставляла на карманные расходы.

Тайник Даша в конце концов устроила в саду. Одна из опор ограды была сложена из старого крошащегося кирпича. Кирпич в основании она вынула и проковыряла за ним ножом небольшое углубление. Его хватило, чтобы сунуть туда свернутые трубочкой купюры.

По привычке не класть все яйца в одну корзину Даша отделила небольшую часть «зарплаты» и спрятала в чулане. Это было самое неудачное место: время от времени старшие совершали налет и обыскивали полки. Зато деньги всегда хранились под рукой.

К концу третьего месяца ей стало казаться, что это она поймала птицу удачи, а вовсе не Баридзеев. Работенка – не бей лежачего! А пачка за кирпичом между тем становилась

все толще.

А потом настал день, когда Миша, как обычно, посадил ее в машину, но вместо того чтобы встретиться с кем-то, как прежде, приехал на окраину города, к шиномонтажной мастерской, и вытащил оттуда с помощью своих жлобов перепуганного восточного человека лет пятидесяти. Другого, кинувшегося ему на помощь, отходил монтировкой помощник Баридзеева по кличке Лосиный, пока работники монтажа испуганно жались у ворот. Жертву зачихали в салон второго автомобиля, и машины с визгом рванули с места.

Все последующее Даша постаралась забыть. Она твердила себе, что Баридзеев не убил и не покалечил свою жертву. Но время от времени в голове начинало пульсировать воспоминание о том, как Лосиный подталкивал землисто-серого человека к свежевыкопанной яме.

После, когда она сказала, что не будет участвовать ни в чем подобном, Миша расхохотался ей в лицо:

– Девочка моя, ты уже во всем поучаствовала! Кстати, спасибо тебе за это. Ты молодец, все получилось!

За ту неделю Миша заплатил ей столько же, сколько за предыдущий месяц. И внятно растолковал: если что-то сложится не так, Даша пойдет как соучастница всех его дел. Даша мало сталкивалась с полицией за свою жизнь, но все, что она слышала, не позволяло усомниться в его правоте.

– Убьешь человека – я уйду, – сказала она.

Баридзеев с готовностью закивал, но Даша уже достаточ-

но хорошо узнала его, чтобы видеть: он соглашается лишь для вида. Мысленно Миша шел к вершинам. Если для этого нужно будет перешагнуть через несколько трупов – что ж, его враги виноваты сами.

Соглашаясь на сделку, она хотела только подзаработать. У нее не было ни малейшей уверенности, что Баридзееву и в самом деле начнет везти.

Но все получилось. Он захватил чужой бизнес, потом еще один. Выпутался без труда из уголовного дела. Поразительным образом обстоятельства складывались в его пользу. Даша чувствовала себя так, словно выращивала тамагочи, а зверушка вдруг щелкнула клыкастой пастью, выбралась из брелока и принялась жрать людей.

От того, чтобы запереть ее в подвале, Мишу удерживал лишь страх, что в таком случае Дашина «сила» перестанет действовать. К тому же он так и не понял, управляет ею Даша или нет. Вдруг девка обозлится и сделает его неудачником!

Теперь он то заискивал, то принимался угрожать. Но больше, чем угроз Баридзеева, Даша боялась его новых врагов. Миша был словно обезумевший пес, кидающийся на всех вокруг. Всего за полгода из толстого обаятельного проныры он превратился в хищного типа с нехорошим весельем в глубине черных глаз. Выпив, начинал жестоко издеваться над собственными подельниками. Особенно доставалось самому жалкому из них, Приме – тощему доходяге, тихому наркоману, которого Баридзеев, как подозревала Даша, дер-

жит при себе, чтобы свалить на него при случае мокруху.

«Пристрелят его, как бешеную собаку».

– Надо лиять, – сказала она Пашке после того, как Баридзеев подмял рынок на Орджоникидзе. – Рынка ему не простят.

– А куда, куда лиять-то? – заволновался мелкий.

– Не решила пока...

Она не стала делиться с братом тем, что давно поняла сама: Миша ее не отпустит. Если ее не шлепнут за компанию с Баридзеевым его враги, он сам пустит ей пулю в лоб. Не позволит, чтобы его птичка удачи пела в чужих клетках, чтобы его фарт достался другим людям.

Иногда на него что-то находило, и он принимался гонять как безумный по трассе, посадив Дашу рядом, на пассажирское сиденье.

«Верить никому нельзя, – бормотал Миша, бросая «Гелендваген» на обгон по встречной полосе. – Предадут за тридцать сребреников... Это я не про тебя, Дашенька. Я тебе одной верю, знаю, что не обманешь. А вокруг нас честных людей нет, их всех повывели еще в двадцатом веке... Естественный отбор, понимаешь? Одна мразота осталась, генетический мусор...»

Даша внутренне сжималась в комок, стараясь не подать виду, как ей жутко. Баридзеев, распаяясь, начинал нести что-то совсем неразборчивое. Капли слюны летели на руль. Когда он, наконец, высаживал ее – подальше от дома, из кон-

спирации, – у нее подкашивались ноги. Даша отсиживалась на остановке, потом тряслась в автобусе, и ее тошнило.

К тому моменту, когда появились Сотников и Вера, Даша готова была хвататься за любую соломинку.

– Меня свел с ними Прима, – сказала она. Частные сыщики слушали очень внимательно, Сергей записывал в блокнот. – Встретил как-то на улице и сказал, что одни люди очень хотят со мной познакомиться. Вроде как у них есть что мне предложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.